

АЛЕКСЕЙ КУРЯТНИКОВ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Алексей Курятников

Пробуждение

«АСГАРД»»

2014

УДК 82-3
ББК 84

Курятников А.

Пробуждение / А. Курятников — «АСГАРД»», 2014

ISBN 978-5-4259-0305-1

Историко-мистический роман, словно ледокол, вскрывающий твердь вечных льдов, ломает сложившиеся в обществе привычные взгляды на основные аспекты жизни: любовь и дружбу, древнюю историю Руси и современную политику, религию и божественное провидение. Невероятные и кажущиеся обычными события причудливо переплетаются в ярком и динамичном сюжете, захватывающем и не отпускающем внимание читателя с первой до последней главы.

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-4259-0305-1

© Курятников А., 2014
© АСГАРД», 2014

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	15
ГЛАВА 5	20
ГЛАВА 6	24
ГЛАВА 7	29
ГЛАВА 8	35
ГЛАВА 9	40
ГЛАВА 10	45
ГЛАВА 11	50
ГЛАВА 12	56
ГЛАВА 13	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алексей Курятников

Пробуждение

ГЛАВА 1

ВОСПОМИНАНИЯ

– Максим, не уходи.

Арина гипнотически ласково заглянула в его глаза. Непокколебимая твердость Максима на мгновение пошатнулась. Пауза, повисшая в прихожей переполненного молодежью дома, по случаю именин Юльки Кораблевой, затянулась, выдавая нерешительность молодого человека, и диссонировала с его волевыми чертами лица, будто сошедшими с полотна Рубенса. Но в этот момент Юра Каширин решил исполнить для возбужденной публики куплеты, взял гитару, пододвинул стул, чтобы опереться на него ногой, но промахнулся и всей своей телячьей тушей рухнул в оливье, захватив с собой скатерть с дюжиной других блюд.

– Прости, Ариша, не могу, – уже решительно отчеканил Максим и шагнул в теплую летнюю ночь.

Арина настигла его возле беседки в саду и, как мастер айкидо, развернула его за рукав.

– Тебе не нравятся мои друзья? – в тоне прекрасной юной богини чувствовался металл.

Арина, кареглазая блондинка, была из породы тех женщин, которые заставляют оборачиваться проходящих мимо мужчин. В свои двадцать пять лет она успела несколько лет поработать фитнес-инструктором в спортивном центре, куда попала после завершения спортивной карьеры в художественной гимнастике. Природа не обделила ее ничем. Длинные, роскошные светлые волосы спускались до лопаток. Ее тело представляло собой триумф женской красоты, и, когда она выходила в зал, чтобы провести занятия с посетителями спортклуба, обтянутая в короткие спортивные лосины и топик, мужчины застывали, как гипсовые статуи, глядя на точеное тело пантеры.

– Дорогая, у тебя замечательные друзья. Веселые, добрые люди.

– Тогда в чем дело?

Напряжение росло, как давление в паровом котле. Кузнечики пронзительно разрезали тишину, угрюмо повисшую между влюбленной парой, дружным стрекотанием. Большие глаза Арины яростно блеснули при свете полной луны, а грудь вздымалась от глубокого дыхания.

Максим не знал, что делать. Уйти, не объяснившись – значит потерять любимую девушку. Объясниться – значит... видимо, тоже потерять. Но лучше уж потерять, объяснившись. Червь недоговоренности не будет грызть душу.

– Пройдем в беседку. Ты хотела слышать? Изволь, – голос Максима был тверд, трагичен и отражал катарсис, происходящий в его душе.

– Как бы ни была тяжела правда, ты должен сказать мне ее. Между нами не должно быть тайн. Ведь мы любим друг друга, – более утвердительно, чем вопросительно сказала Ариша.

– Как бы после моих откровений ты не сказала «любили». Так вот, твои друзья – обычные люди. Дело в том, что я не совсем обычный человек, – Максим лихорадочно тер висок – Об этом знают только мои родители, да и то не всю правду. Ты первый человек, которому я смею открыться. У меня есть особенность, которая проявилась во мне впервые в семь лет, когда мы с отцом рыбачили на пруду возле дома. Настоячиво клевал карась, и я гипнотически таращил глаза на поплавок, когда отец, прилепив очередной полтинничек, сказал:

– Сынок, я на пять минуточек отлучусь в сарай за прикормом, ты только в воду не залазь, хорошо?

– Не торопись, скорострел, женщины не любят пятиминуток, – выпалил я, все так же таращась на поплавок.

Солнце поднялось уже высоко и приятно грело тело, а поплавок уже не шевелился. Видно, утренний клев закончился. Я грелся на солнышке, поглядывал на стрекозу, наполовину погрузившую поплавок в воду, как почувствовал тяжелый взгляд отца в спину. Я обернулся и увидел остолбеневшего отца с отвисшей челюстью, который, возбужденный утренней свежестью и принятой на грудь водочкой, собирался навестить мамку, когда я и выдал этот перл. Откуда было семилетнему ребенку знать о сексе? Да и сказал я это неосознанно, глядя на поплавок и думая о клеве.

– Что ты сказал, стервец?! – спросил отец.

Понятно, что идиллия у пруда в тот момент закончилась. Дома мама высказалась насчет того, что, как только ребенок пошел в школу, нахватался там вместо толкового всякой ерунды. До того момента, как мы пошли с отцом на пруд, я не знал о сексе ничего и, как большинство моих сверстников, полагал, что мама с папой меня решили завести. Как домашнюю кошку или собачку. Но, вернувшись домой, я четко осознавал, что о взаимоотношении полов я знаю все, и притом очень давно. Я сам не знал, как это произошло.

Следующий эпизод произошел через три года, когда в апреле 1990 года меня приняли в пионеры. Я наотрез отказался надевать пионерский значок на грудь, высказавшись на тот счет, что Ленин – душегуб и что его разрушенный болезнью мозг, генерировавший такие же болезненные идеи, обескровил Россию на многие десятилетия. Таким людям место в аду, куда, собственно, он и попал. Сказал я это на торжественной линейке перед всем классом. Вот это был скандал! Классный руководитель, Елизавета Алексеевна, не могла не отреагировать. Ведь это был удар по государственной идеологии. Вызвали родителей. И я не знаю, какие доводы пришлось приводить моему отцу для того, чтобы убедить директора не давать ход делу дальше, в органы государственной безопасности.

Ведь научить ребенка ТАКОМУ могли только взрослые.

А это антисоветчина! Грозил даже отчислением из школы.

Но только грозили, так как других оснований не было: успеваемость у меня была лучшая на параллели, да и по состоянию здоровья отклонений никаких. Тут либо давать делу ход, либо тихо замять произошедший эксцесс, предварительно сделав внушение мне и моим родителям. Одним словом, директор нас пожалел, тем самым взяв на себя ответственность.

Отец потом дотошно меня расспрашивал, откуда я взял этот бред и кто меня этому научил. Я с испугом и изумлением смотрел на него. Когда взрослого человека спросят, откуда он знает, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца, он опешит. Ведь это очевидно! Такое же состояние было и у меня. А что, вы этого не знаете?!

– Сынок, даже если бы это было и так, не надо всем об этом говорить, если не хочешь увидеть своего отца за решеткой. Ведь твое мнение, кем бы оно ни было внушено, не разделяет никто!

– Нет ничего тайного, которое не станет явным, папа! Пока не разделяет! Посмотрев пристально мне в глаза, отец обмяк. Видя в моих глазах непоколебимую решимость, он понял, что откуда-то я знаю то, что ему неизвестно.

– Я боюсь за нас, сынок. Думай, что хочешь, парень ты у меня толковый, но держи язык за зубами.

– Хорошо, папа.

Надо сказать, что мой положительный ответ лишь ненадолго успокоил отца. Ведь подобные перлы стали сыпать из меня, как из чернокожего рэп. Уже на следующей неделе, когда отец с дядей Сашей строили тепличку, я посоветовал поставить ребра жесткости иначе.

Мужики оторвались от работы и посмотрели на меня, как на гоблина из «Властелина колец». Затем был день рождения мамы. И такое стечение народа как будто еще больше подстегнуло мое неведомое «я», которое не было мною. К маме пришло много подруг и соседок, а одна из них пришла с взрослой дочерью лет восемнадцати. Когда она продефилировала мимо меня в облегающих лосинах, присвистнув, я бросил: «Вот это попка!». Сам продолжал с мужской частью гостей досматривать хоккейный матч чемпионата мира между нашими и канадцами. Матч складывался неудачно, и я с тоской выдавил:

– Раньше Старшинов с Бобровым этих «боббиорров» пачками давили! – и перевел взгляд на остальных, дабы заручиться их одобрением, и тут отметил, что хоккей уже никто не смотрит, а все вылупились на меня.

– Откуда тебе, малец, знать, как Бобби Опп¹ и Бобров играли? – покосившись на Маринкину попку, вопрошал дядя Жора.

– Говорят, – многозначительно отпарировал я, засунув леденец за щеку и делая лицо поглупее.

– Не по годам у тебя парень взрослый, Михалыч.

Отец пасмурно посмотрел на меня. Отец, мастер на литейном заводе, вспоминал, что в моем возрасте пас баранов на селе и помогал отцу сено в ометы собирать. Откуда это во мне?

– За стол! – скомандовала мать, и все в дружном возбуждении застучали вилками и ложками и заклацкали рюмками. Видя, как дядя Жора налегает на водочку, я посоветовал ему скушать что-то жирное, чтобы не опьянеть быстро, а сам затыкнул: «Бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах...». Пьяненькая толпа дружно подхватила проникновенно-грустную песню. Мощно закончив последние аккорды, дядя Жора чуть не порвал баян, а гости – душу, извергающую стенания на весь подъезд.

– Молодец, Михалыч! Научил пацана хорошим песням.

– Да я и сам их через куплет знаю, Жора, – сквозь зубы произнес отец.

Со временем в моей психике стали происходить более серьезные сдвиги, а именно: мне стали сниться навязчивые сны. Незнакомые улицы, дома. Женские лица, дети. Сначала сны были хаотичные. Но затем в них стала прослеживаться определенная логика: все сновидения происходили в одном месте и с одними и теми же людьми. Сны отличались деталями, ракурсами. То я рассматривал двор, окруженный со всех сторон сталинками, из окна квартиры, то играл в этом дворе в снежки. Мальчишки бегали по двору ватагами человек по двадцать, плохо одетые, чумазые, но, как заводные энерджайзеры, сутками напролет гоняя весь в лохмотьях мяч, разбивая из рогаток стекла, галдели как сороки и наполняли двор жизнью. Девчонки прыгали на скакалках, играли в классики, и лишь иногда мирный шум двора нарушался редким конфликтом, разразившимся из-за не засчитанного гола или не поделенного велосипеда. Мужики вечерами забивали козла, наотмашь размахивая увесистыми костями домино. Во дворе росли черемухи, вишни и липы. И их цветение весной, особенно когда запах цвета перемешивался с запахом свежего хлеба из булочной, поражал остротой переживаемых эмоций. Над крышами дворов возвышался храм, счастливо не разрушенный советской властью, с золотыми крестами и голубыми, как небо, куполами. Дьякон частенько угощал ребятишек горячим хлебом, который, ломая и отрывая кусками, детишки съедали в мгновение ока. Просыпаясь, я долго приходил в себя, оставаясь в плену переживаний, не сразу понимая, где явь, а где сон. А придя в себя, не понимал смысла этих ярких, сочных и, главное, циклично повторяющихся снов. Так продолжалось несколько лет, когда в одном из новостных блоков я увидел храм из сна с золотыми крестами и голубыми куполами. Новая демократическая власть теперь дружила с церковью и выделяла средства на восстановление храма. Я буквально подпрыгнул на стуле, сердце тревожно и радостно забило. Только

¹ Бобби Опп – легендарный хоккеист сборной Канады 60-70-х годов XX века.

вот храм находился в Казани, да и репортаж был на полминуты. Может, ошибся? С этого момента жизнь моя начала меняться, как в калейдоскопе. Успеваемость в школе упала, да и есть я почти перестал, так как находился в постоянном нервном возбуждении. Я чувствовал, что могу разгадать загадку, мучившую меня много лет. Но на какие шиши добраться из Москвы до Казани, да и родителям как объяснить цель поездки? В то время я был студентом-второкурсником, шел 1999 год. Разгар кризиса, а в моих пустых карманах разве что мыши не завелись. И вот, чтобы заработать деньги на поездку, я устроился грузчиком в овощной магазин, где меня безбожно обсчитывали, но через полтора месяца деньги были собраны. У матушки на предприятии еще действовали профсоюзы, и я уговорил родителей отправиться в путешествие на теплоходе «Федор Шаляпин» вниз по Волге. Мои старики после некоторого сопротивления, сопровождаемого брюзжанием отца, согласились на столь необычное для них действие, о чем многократно потом пожалели.

Теплый влажный ветер упруго бил мне в лицо. Я стоял на носу четырехпалубного теплохода и пьянел от головокружительных просторов Волги. Господи, всю жизнь прожив в каменных джунглях Москвы, я никогда не ощущал ничего подобного. Взгляд стремился в безбрежную даль, наполненную закатом угасающего солнца, рыбацкими кострами и низким туманом над водой. Теплый упругий ветер, бьющий в лицо, вселял надежду в мою душу. Теплоход, следующий по маршруту Москва – Астрахань – Москва, на целый день делал стоянку в Казани. Для отца это был шанс пополнить порастраченные запасы наживки и снастей для многочисленных удочек, взятых с собой. А маме – заpastись клубникой и огурцами, которые она безжалостно бросала в бой против морщин лица. Впрочем, побеждали морщины. Наступило утро, и еще все спали, когда на горизонте показалась Казань. Нервное возбуждение сменилось тупым торможением после бессонной ночи, которую я заполнил тем, что рисовал Благовещенский собор, увиденный по телевизору и всплывавший в моем сознании из многочисленных снов. Написав успокоительную записку родителям, гласящую о том, что покинул я их с целью посмотреть достопримечательности города, я бросился в город, не теряя ни минуты.

ГЛАВА 2

КАЗАНЬ

На территории порта одиноко стояла новенькая «шестерка».

– До Благовещенского собора.

– Четвертной, – равнодушно процедил с кавказским акцентом седовласый армянин.

– Что, так деньги нужны? – плюхаясь на заднее сидение, съерничал я.

– Деньги – вода. Особенно, когда у тебя трое детей, – вяло отреагировал кавказец, немного удивившись моей дерзости. Немногие клиенты позволяли себе сорить деньгами, тем паче, что такса была явно завышена. Ехали недолго, и я пожалел, что не порядился с «бомбилкой».

Благовещенский собор создавал впечатление тихой торжественности. Впрочем, мне он так и представлялся. Быстро обогнув территорию собора, я нырнул в тень сталинских дворов. Сердце потяжелело и сжало грудь. Волнение охватило всю мою сущность и, казалось, вниз живота сполз огненный шар.

«Я точно псих. Или не псих, если я уже это видел. И люди... Люди, вы мне снились много лет назад. Вы меня узнаете? Что мне делать?» – в никуда сказал я. Обхватя руками голову, я взъерошил волосы, словно настраивая антенны на прием сигнала озарения из космоса, но не находил решения. И тут в сознании всплыла картина, увиденная когда-то во сне. Я видел этот двор через разбитое окно. Скорее, это окно второго этажа, ближнего к подъезду.

«А что я скажу?» – поставил меня в тупик вопрос. И тут меня осенила догадка.

– Пацаны, вам вратарь нужен? – спросил я мальчишек, гонявших во дворе мяч.

На воротах никто стоять не хотел, и меня радостно приняли в одну из дворовых команд, поединок между которыми был в самом разгаре, но одна из команд явно «сливалась».

– Юрок! Будешь играть в поле! – авторитетно заявил самый рослый пацан шпингалету значительно младше его, обозначая тем самым место в воротах команды-аутсайдера.

«Игра долгой не будет», – злорадно подумал я, заняв место в «раме».

При первой же атаке на мои ворота я в кошачьем прыжке по-яшински схватил мяч и прицельно, с ноги, отправил его в мишень – окно второго этажа.

– Мазила! На кой хрен мы тебя взяли? – разочарованно процедил авторитет.

– Девятка, – тихо сказал я, удовлетворенный точным попаданием. – Извините, пацаны. Давно не играл, – артистично, выражая явное разочарование, промямлил я.

Тут же из разбитого окна появилась миловидная особа лет тринадцати, и весь ее вид выражал, скорее, недоумение, чем злость.

– Ой! Что будет, когда мама вернется?

– Мы успеем вставить новое, и она ничего не заметит, – бодро отрапортовал я.

– Уж постарайтесь, – деланно выпятив губу, заявила юная леди.

– Я мигом. Где у вас стекольная мастерская?

Через час я уже сидел в желанной квартире и угощался дефицитным цейлонским чаем. Юная особа, которую, как оказалось, звали Дашей, радостно балагурила, доставая из старинного буфета всякие сласти. Подойдя к окну, я увидел знакомую панораму, приходящую в циклично повторяющихся снах. Обстановка в доме была выдержана в старинном классическом стиле. Громоздкий стол из красного дерева и такой же буфет, возможно, приобретенные единым набором. Тяжелые портьеры органично дополняли интерьер, выдержанный в стиле начала двадцатого века.

– Странный у вас интерьерчик. На дворе конец двадцатого века. Сейчас в моде кухни из ламинированного ДСП, а здесь как будто сто лет ничего не менялось.

– Так и есть. Мама после смерти деда ничего не стала менять. Говорит, что он не велел.

Я внимательно осматривал квартиру, пытаюсь найти хоть какие-то зацепки, но ничего примечательного не находил. Даша полезла в буфет, а я тем временем, как бы из любопытства, заглянул в спальню. Спальня как спальня, если бы не одно «но». На стене висела крупная фотография, обрамленная в тяжелый багет, с изображением до боли знакомого мужчины, лет сорока пяти, с покладистой бородой на фоне... Я не знал, как называются подобные строения, но это был храм. Только не православный. Низ фотографии был испещрен непонятными символами. Первая строка была записана на древнеславянском, а следующие две строки... С этими символами я не был знаком.

В этот момент радостно запиликал звонок, и Даша открыла массивную дверь. На пороге появилась стройная, все еще красивая женщина, лет за сорок. Она с некоторым изумлением поглядела на меня.

– Смыслов Максим... Павлович, – представился я, ощущая определенную неловкость от замешательства, которое я произвел на хозяйку дома.

– Елена Михайловна. Чем обязаны Вашему визиту, молодой человек? – задала она вопрос, скорее, дочери, и в ее голосе звучали нотки укоризны.

– Ребята играли в футбол и разбили стекло, а Максим вставил его, – на одном дыхании выпалила Даша, явно не желая расстраивать маму.

– Ну что же, Пеле. Давайте пить чай, – лицо ее смягчилось.

После второго бокала чая, чувствуя, что пора бы и честь знать, я решился на прямой вопрос:

– Извините, Елена Михайловна, я видел у вас в спальне фотографию. А что за символы на ней нанесены?

Женщина явно напряглась, и в ее голосе снова появились стальные нотки:

– По-моему, молодой человек, Вам пора.

До порта я добрался пешком. Шел, не замечая ничего вокруг. Вопросов после так тяжело давшейся поездки стало еще больше.

ГЛАВА 3 ДРУЗЬЯ

– Это все на самом деле происходило с тобой или ты так пытаешься развлечь меня? – озадаченно спросила Арина.

В саду повисла тишина, нарушаемая лишь трелью неугомонных сверчков. Как будто ни Максима, ни Арины не было в саду вовсе.

– Да, – после затянувшейся паузы подтвердил Максим. – С тех пор прошло шесть лет.

– И что?

– А то, что теперь я знаю, кто был на фотографии и что это были за символы.

– Интересно. И кто?

– Это был я.

– Максимка, дорогой, – с явным сочувствием пронудела Ариша, – все люди как люди, ты у меня один такой...

– Какой?

– Да не от мира сего. Сейчас все в ночной клуб поедут, а мне что с тобой делать? Танцевать ты не любишь, пить с нами ты не хочешь. Несешь, извини, какой-то бред.

– Знаешь такой анекдот, дорогая? Хулио Иглесиас и Валентина Толкунова решили спеть дуэтом и назвали его «Хулио Толку». Вот и у нас с тобой такой же дуэт «Хулио Толку».

Максим решительно отстранил Арину от себя и вышел в калитку.

«Зря я ей обо всем рассказал», – сокрушенно подумал Максим.

– Максим! – раскаявшись в резкости своих слов, крикнула вслед Арина, но было поздно. Максим скрылся в темноте ночи.

В роскошной четырехкомнатной квартире с видом на Москву-реку для постороннего наблюдателя открывался совершенно не соответствующий роскошным апартаментам вид: на столешнице яркой итальянской кухни стояли в ряд вскрытые консервы, соленья, грибы, грязные тарелки и пустые упаковки из-под пиццы. Дым от сигарет стоял такой, что люстра из богемского хрусталя еле проглядывалась. За столом сидел Максим и его старый друг Дмитрий, которого он всегда по-дружески звал Митя. Оба в семейных трусах и изрядно пьяны. Друзья продолжали встречу без галстуков вторые сутки.

– Мить, мы же с Аришкой пять лет вместе, с третьего курса института. Я всегда считал, что мы с ней одно целое. А в последнее время мы перестали понимать друг друга. Мне так плохо. Если бы не ты... я не знаю, что бы я делал.

– Во-первых, дорогой друг, это не конец света. Любая проблема только вначале кажется страшной. Потом человек ее либо решает, либо с ней свыкается, – философски произнес Дмитрий. – Во-вторых, нужно привыкнуть к тому, что дорогие нашему сердцу люди приходят в нашу жизнь и уходят. Расходятся дороги, кто-то уходит из жизни, а кто-то становится нашим черным учителем.

– Это еще что за хрень? – белужьими от водки глазами уставился на Дмитрия Максим.

Дмитрий крепко затянулся «Парламентом» и прессанул бычок в переполненную поллитровую банку. Надо сказать, что Дима был всегда на редкость интересен в общении. В свой тридцатник он обладал феноменальной эрудицией, и казалось, что нет вопроса, в котором он не разбирался или, по крайней мере, не имел оригинальную точку зрения. Философский склад ума дополняло подкупающее чувство юмора. Плюс он был старше своего товарища,

и в данной ситуации являлся живительным бальзамом для сердца Максима. Друзья в шутку звали его Атос по причине того, что фамилия Димы была Смехов, как у актера, который исполнял роль Атоса в нашумевшем в ту пору фильме «Д'Артаньян и три мушкетера». Так и прилипло, но с годами старая кличка утратила свою остроту и прижилась другая – Демон, которая являлась логичной производной от его имени.

– Черный учитель, Палыч, – назидательно продолжал Дмитрий, – это человек, который причиняет тебе адскую боль. Очень часто это родные и близкие люди. В результате этого удара, бывает, теряешь желание жить и думаешь: «Лучше бы я сдох». Но проходит время, и понимаешь, что случившееся пошло тебе только на пользу. Добро, приходящее через зло. Жизнь бьет нас по голове, а мы крепчаем. Что нас не ломает, то делает нас сильнее. Помнишь мою Наташу? Правда, давно уже не мою. Как я убивался, когда мы расстались! Я тебе не рассказывал из-за чего?

– Нет.

Глаза Димы заволокло влагой.

– Мы встречались два года, и я сделал ей предложение. Она долго мялась, и я заметил, что ее что-то беспокоит. Я задал прямой вопрос, требуя объясниться со мной честно. На что получил такой же прямой ответ, что она видит своего мужа состоятельным человеком, способным обеспечить ее и ее будущих детей. Мы расстались, а через год она вышла замуж. Что стало со мной, ты знаешь. Я работал как проклятый. И через пять лет я стал состоятельнее ее мужа. У любящего человека атомный реактор в груди. Ее муж вскоре, после кризиса 1998 года, обанкротился. Да и не любит она его. Звонила потом несколько раз, предлагала встретиться. Но я ей простить произошедшего не могу. Мне теперь все кажется, что не я ей нужен, а мои деньги. Да и финансы мои... Я просто хотел ей доказать, что я достоин ее любви, что она ошибалась. А деньги – совсем не то, к чему рвется душа. Думаю, каждый человек в своей жизни должен понять, что такое настоящая любовь. Иначе это не полноценный человек, а так себе... овощ, обыватель.

В завершение своего длинного опуса Дима наколот вилкой предпоследний крупный огурец и смачно хрустнул.

– То есть ты мне оставил маленький? – развязно предъявил другу Максим, как будто вся предыдущая речь друга была лишь прелюдией перед закуской.

– А ты бы какой взял? – вопросом на вопрос ответил Дима.

– Конечно, маленький.

– Ну, так что же ты переживаешь? Он тебе и достался.

Друзья закатились гомерическим смехом.

– Сейчас бы сюда Шурика со Стасом. Они бы разбавили наш философско-эпический вечер дюжиной свежих анекдотов и коренным образом поправили бы твоё настроение.

– Не сегодня, Мить. Сейчас ты мое лекарство. Тем более два часа ночи. В другой раз. Максим закурил. На кухне зависла пауза.

– Мить, я не хотел говорить, но не могу больше держать это в себе. А понять и помочь можешь только ты.

– Если бы у тебя не было друга, пришлось бы тебе платить психоаналитику, – Дима широко улыбнулся. Ему импонировало то, что он, как верный пес, зализывает раны потерявшему жизненные ориентиры другу. И его переполняло чувство дружбы и единения с младшим товарищем. – Ну, так в чем проблема?

– Ты когда-нибудь слышал о реинкарнации?

– Конечно. Я однажды в психбольницу оборудование по бартеру поставлял. Так там я видел в одной палате двух Бонапартов. Ха-ха! – Дима хохотал, сотрясаясь всем телом, и вдруг резко оборвался, наткнувшись на суровый взгляд Максима. – А что такое, Макс?

Может, ты в прошлой жизни был красоткой, вышел за меня замуж?.. Ха-ха! И у нас была с тобой бурная интимная жизнь?

Опьяненный водкой, рыдающий от смеха, Дима сползал с кресла на пол.

Максим закурил, подошел к окну и рыбьими глазами уставился на огни ночной Москвы.

– Извини, дружище. Я весь внимание, – уgomонился Дмитрий, понимая, что перегнул палку.

Максим методично изложил события, произошедшие в Казани, но последние десять минут Максим речитативил с пробуксовкой, как будто магнитофонную ленту зажевало. Дмитрий подхватил друга на плечо и отволлок спать на диван.

– Старик, вставай. Смыслов, елки-палки! Встречай друзей!

– Откройте мне веки, – голосом киношного Вия простонал Максим. Перед ним в идиотской улыбке расплылись Стас и Шурик, друзья с молодых ногтей.

– Дим, а по поводу чего зажигаем? – подозрительно спросил Стас, озираясь на батарею пустых бутылок. – Пусть Макс сам расскажет, если захочет.

В воздухе зависла тишина, как на выступлении премьера перед правительством.

– Ну ладно, – обреченно смирился Максим, – мы с Ариной, похоже, расстались.

– А может, у вас в интимной сфере тавойсь? – пытаюсь перевести проблему в сферу иронии, выдал Шурик.

– Шурик, что ты можешь знать о сексе? Ты все время был женат! – отпарировал за Максима Стас и самодовольно рассмеялся.

Надо сказать, что Стас с Шуриком всегда развлекали публику искрометным юморком. Не то чтобы специально, скорее, это был ракурс, через который они смотрели на жизнь. И жизнь с благодарностью расплачивалась с ними. Во всяком случае, эти двое всегда пребывали в прекрасном расположении духа, жизнерадостны и не особо зацикливались на проблемах, которые других бы сводили с ума. Станислав Поплавский – красавчик, брюнет, любимчик женщин, всегда со вкусом и даже несколько по-пижонски одетый. Расчетливый. Практичный. Целеустремленный. Сашка Слечук – полноватый, невысокий, вечно голодный молодой человек. Его любовь к вкусной и обильной пище стала причиной для шуток в кругу друзей. Маленькая, покладистая рыжая бородачка замечательно подходила к его круглому лицу и добавляла интеллигентности. Иногда он решался состричь бороду, но ненадолго, потому что становился похож на Мальчиша-Плохиша, объевшегося варенья, с круглыми розовыми щеками. Шурка слыл человеком добрым, открытым, общительным, простодушным. Стас и Шурик были по разному скроены душой и телом, но жизнелюбие, оптимизм и юмор объединяли их в жизни со школьной скамьи.

– Парни, у нас с собой свеженькое чешское пиво и корюшка. Пойдем за стол, – предложил Шурик. – Значит, все, разбежались? – продолжил после глотка «Старопрамено» Стас, смачно облизывая пену с губ.

– Я вам скажу свое окончательное «может быть», – за Максима ответил Шурик и многозначительно сложил руки на пивном животике, явно намекая на то, что любовная эпопея только еще начинается.

Шурик обвел взглядом кухню, где, как гильзы снарядов, батареями стояли пустые бутылки из-под «Абсолюта».

– Да, богатые скучают дороже... Так что там с Ариной?

– Ну что вы как бабы? – так и не дав сказать Максиму, оборвал тему Дима. – Будете теперь мусолить из пустого в порожнее?

– Когда я захочу услышать ваше мнение, я вам его сообщу, – продолжал скалиться Стас. – Давайте заслушаем докладчика.

– Просто мы очень разные, – нехотя объяснился Максим. – И прежде всего я. Я не такой... то есть не соответствую ей. Одним словом, парни, не мучайте меня. Не хочу говорить об этом. Давайте я лучше за пивом схожу, а то третьи сутки из этой берлоги не выходил на свежий воздух.

Когда Смыслов вышел из прокуренной квартиры, Шурик со Стасом испытывающе посмотрели на Диму.

– Что вы от меня хотите? Захотел бы, то сам бы вам все рассказал.

– Каков нахал! – издевательским тоном продолжал давить Шурик. – Мы же беспокоимся тоже!

– Короче, – сдался Дима, – я так толком и не понял. Сны ему какие-то снятся странные, какие-то рунические символы². Как будто он жил раньше в Казани и был в прежней жизни волхвом. Бред какой-то. Просто парню тяжело дается учеба в универе.

– Я, если честно, и не знаю, что такое рунические символы, – озадаченно почесал затылок Шурик. – И что он с этим делает? – серьезно спросил Стас.

Дмитрий посмотрел на Стаса и несколько удивился отсутствию скепсиса в его глазах, который он ожидал увидеть. Лишь только у Шурика губы иронично согнулись в уголках.

– В Казань собирается ехать по родным, так сказать, местам. Ты что паришься, Стас, да мало ли кому что приснится? Переутомился просто парень.

Стас как-то грустно посмотрел на друга. В это время хлопнула входная дверь, и на кухне появился несколько посвежевший гонец с двумя баклажками свежего пива.

– Ну, старик, рассказывай: ты один собираешься ехать в Казань или к тебе можно присоединиться? – осторожно поинтересовался Стас.

Максим укоризненно посмотрел на Диму.

– Один. И давайте закруглим эту тему.

² Руны – древняя письменность славян, норманнов, германцев и болтов. Тайные символы, хранящие в себе божественную силу.

ГЛАВА 4 ТАЙНОЕ

Максим стоял на перроне Казанского железнодорожного вокзала, нервно покуривал и ожидал отправления поезда в Казань. Что я скажу Елене Михайловне? Даше? Впрочем, этот вопрос уже стоял перед ним однажды, и он решил его, воспользовавшись хитростью. Вообще, у Максима Смыслова была замечательная черта: он считал, что нерешаемых задач не бывает. Бывает недостаток времени, знаний и упорства, но почти любую задачу можно осилить, подключив эти три составляющих.

«Война план покажет», – подумал Макс, смачно запустив окурок в урну метров с трех.

– Трехочковый, – выдал уже вслух завершающий перл Максим и взошел на подножку вагона.

Дорога до Казани прошла без приключений, и вот Максим уже сидел на скамеечке в знакомом дворике, наслаждаясь сентябрьским теплым вечером. Полная луна, в помощь тусклому фонарю, освещала двор. Воздух наполнялся ароматом акаций и липы, и Максиму жуть как не хотелось сделать еще шаг – позвонить в квартиру Елены Михайловны. Он вспомнил колкие глаза хозяйки, выражающие холодность и недоверие.

Тут к подъезду подошел парень лет восемнадцати, щеголевато прикинутый по последней моде, потоптался у подъезда, внимательно что-то ища на асфальте, и запустил мелкий камушек в светящееся окно второго этажа. Из окна появилась Даша, только уже выросшая, и произнесла незнакомым Максиму грудным голосом:

– Окно разобьешь! Сейчас выйду!

– Ага! – подумал Макс, – ситуация может решиться сама.

Из подъезда вышла высокая, оформившаяся девушка, и лишь по знакомым чертам лица в ней можно было узнать ту маленькую пичугу, свиристевшую на кухне этой квартиры еще шесть лет назад.

– Лешка, балбес, ты когда-нибудь стекло мне разобьешь! – укоризной вспылала юная красавица. – Вот мать тебе всыпет!

Щеголеватый Лешка, молча обняв, закутал Дашу в свой модный адидасовский костюм.

«Детский сад, – подумал Макс. – Что за манера общения?».

– Даша? – уже вслух произнес он. – А мама Ваша дома?

У Даши вопросительно вверх поползли брови, а Лешка насупленно развернул чело в сторону потенциального противника.

– Вы меня, видимо, не помните, Даша. Я шесть лет назад разбил Вам мячом стекло, а потом вставил, и Вы меня угощали конфетами и вареньем.

– И что приперся? – процедил Лешка. – Варенье, что ли, закончилось? Взгляд Лешки выражал древнюю озлобленность неандертальца.

– Молодой человек, Вы не кипятитесь. Мне, собственно, Елена Михайловна нужна.

– Максим, кажется? – в радушной улыбке расплылась Даша. – Вы изменились, возмужали – я бы вас не узнала.

– Я бы вас тоже, – искренне заметил Максим. Даша замаялась и после некоторой паузы произнесла:

– Я даже не знаю, Максим. Мама почему-то сильно нервничала после вашего визита. Хотя это было давно, но в памяти сохранилось хорошо.

– Именно поэтому я здесь, – открыл карты Макс. – Нам есть о чем поговорить с вашей мамой.

– Пройдемте, – неестественно замедленно протянула руку Даша, что выдавало ее замешательство и некоторую заинтригованность сказанным.

– Леша, давай завтра увидимся, – скорее, приказным, чем извиняющимся тоном сказала Даша, и ее друг сердечный молча и несколько обиженно удалился в темноту ночи.

– Максим. Если ты помнишь? – представила гостя прямо с порога Даша.

Елена Михайловна несколько натянуто и чуточку очумело улыбнулась и нервно поправила яркий платок на плечах. За эти годы Елена Михайловна, на взгляд Максима, ничуть не изменилась, и уж ее-то он бы узнал спокойно, в отличие от Даши.

– Проходите, – коротко отчеканила Елена Михайловна, ведя гостя на кухню.

На кухне было все так же уютно и неизменно, в смысле обстановки. Время было не властно над этой квартирой, сохраняющей предписанный дедом стиль.

– Чем могу служить, молодой человек? – произнесла хозяйка, нервно подергивая концы платка.

«Странно. Почему она нервничает? – медленно подходя к окну подумал Максим. – Может, ей что-то известно, но она старается не выдавать себя?».

Максим обозревал из окна знакомый двор. Было ощущение, что он приехал в отчий дом, что с этим домом его связывают года или десятки лет. А он здесь был второй раз.

– Это стекло и раньше ребятишки разбивали, – гипнотически медленно произнес Максим. – В начале шестидесятых рыжий долговязый пацан так врезал, что мячик, пробив стекло, влетел прямо на газовую плиту, – Макс отвернулся от окна и внимательно посмотрел в глаза Елене Михайловне. Она стояла молча, только, как показалось Максиму, дышать стала чуть глубже и прерывистей.

– А в буфете один замочек не менянный, потому что один из трех стащили на рынке из сумки у вашего деда.

Елена Михайловна стояла в оцепенении и, казалось, была готова к нечто такому, что произнес Максим, но, простояв еще немного, рухнула без чувств.

– Максим, неприятности всегда происходят в нашем доме одновременно с вашим появлением. У меня уже появляется логическая связь Максим – неприятности, – подавая флакон с нашатырем, как прежде, щебетала Даша, только уже грудным, сформировавшимся женским голосом.

Воздух наполнился резким запахом нашатыря. Елена Михайловна медленно открыла глаза и несколько минут молча, не моргая, смотрела в беленый потолок. Бледное лицо выражало спокойствие и сосредоточенность.

– Не велите казнить, велите миловать, – протараторил Максим. – Я не ожидал такой реакции... Я не хотел...

– Успокойтесь, Максим, – простонала Елена Михайловна. – Произошло то, что должно было произойти. Правда, я в это никогда не верила и считала деда несколько чудаковатым. Хотя он был мудрым человеком, и все в семье всегда держалось на нем. Дед был, как бы сказать?... – видно было, что Елена Михайловна еще не пришла в себя и ей тяжело подбирать слова. – Не от мира сего... Он был человеком набожным, но никогда не ходил в церковь, потому что был старовером. То есть подвижником веры, бытовавшей на Руси до крещения, христианизации. Он всегда говорил, что старая вера вела наших предков многие тысячелетия и крепок был дух людей, и государство могущественно, и, чтобы выжечь старую веру из сердец людских, понадобилось семьсот лет насилия и карательных экспедиций. Он читал древние книги, написанные древнеславянским языком. Когда я, будучи совсем маленькой девочкой, взяла карандаш, намереваясь нарисовать в книге цветочек, дед пришел в неопишемую ярость. Я его никогда таким не видела. Он сказал, что все современные книги несут людям одну ложь. И всем миром правит только ложь. А в этих книгах свет для людей и заветы предков, но эти знания сейчас не примут. Еще не время. Но надо сохранить эти святыне

знания, потому что они бесценны. И за эти книги враги человечества не пожалеют ни наши жизни, ни тысячи жизней других людей. Но больше он никогда не касался этой темы. Лишь перед смертью, чувствуя свою скорую кончину, он всячески напутствовал меня. Он сказал, что книги необходимо надежно спрятать и никому никогда о них не говорить, и, что показалось мне совершенно диким, дед постоянно со страшными от волнения глазами повторял, что когда-то в нашем доме появится молодой человек и будет вести себя как свой, узнавать вещи и обстановку. Дед просил не гнать его, потому что это будет он сам. Велел довериться ему и открыть все свои книги и тайны. Я приняла это за предсмертную агонию, бред умирающего человека. Хотя знала, что дед обладал огромной силой предвидения. Людей он видел насквозь, словно рентгеновский аппарат. Говорил, с кем можно иметь дело, а кого сторониться, какие политические события будут происходить и какая ожидается погода в текущем году. Еще – что вызывало у меня благоговение и трепет перед ним – он каким-то непостижимым образом мог влиять на события. Никогда не афишируя свои неординарные способности, он просто спрашивал, какие проблемы случались в семье, и говорил, что ситуация исправится к такому-то числу. И все работало как часы. О его способностях знали многие и обращались к нему за помощью, только принимал он людей крайне редко, лишь только в тяжелых случаях. Один раз во дворе ребята сказали, что мой дед – колдун. Я страшно обиделась, прибежала домой вся в слезах и рассказала деду. Он улыбнулся, ласково глядя меня по голове. Нет, говорит, внучка, я не колдун. Я русский волхв. Но им об этом знать не надо. Не поймут, а только больше дразнить будут.

Елена Михайловна приподнялась немного на подушках и попросила у Даши воды. Максим стоял совершенно потрясенный услышанным, хотя и ожидал открыть для себя какие-то тайны, но такое... Получалось, что перед ним находились его внучка и правнучка. Хоть самому за нашатырем беги.

– Елена Михайловна, Вы понимаете?.. – дрожащим от волнения голосом произнес Максим. – Получается, что Вы моя внучка?!

– Максим, для меня это звучит как бред и совершенно не укладывается в голове. Я, конечно, читала о реинкарнации, но, когда это случается непосредственно на твоём практическом опыте, волосы дыбом встают.

Присутствующие люди глядели друг на друга совершенно другими глазами. В них были и радость, и смутение, и волнующее соприкосновение с тайной вечной жизни, открывшейся им сейчас.

– Давайте пить чай! – оборвала зависшую паузу Даша.

Все весело балагурили за столом. Максим рассказывал о своих снах, о том, как он нашел их дом, впервые найдя полное понимание, и от этого на душе у него стало спокойно и радостно. Елена Михайловна, с какой-то особой тревогой и обожанием глядя на Максима, рассказывала всякие подробности из своего детства и молодости, когда дед был еще жив.

– Стоп, – глаза Максима вдруг застыли, – я забыл про фотографию на стене в спальне. Дед про нее ничего не говорил?

– Говорил, – таинственно произнесла Елена Михайловна, – говорил, что-то тайное, что в ней скрыто откроется посвященному, то есть тебе. Ты можешь расшифровать надпись?

– Да! – торжественно произнес Максим. – Верхняя надпись на старославянском гласит: «Пробужденному к новой жизни доступно будет». Внизу идут рунические символы старорусской языческой веры, буквально значащие «тайный ключ». А вот к чему ключ, я понятия не имею.

– Может быть, ты в книгах дедовых что-то найдешь? – неожиданно перейдя на «ты», спросила Даша.

– Может быть, может быть... – задумчиво произнес Максим, задумчиво почесывая макушку. – А где снято это фото?

– Это под Омском. Дед долгие годы был там священнослужителем, пока НКВД не закрыло капище – приход староверов, – пояснила Елена Михайловна.

– Если символы нанесены на фото, так, может, это подсказка, как найти замочек? – осенило Максима.

– Думаю, лучше, чем ты, в этом никто не разберется, – предположила Елена Михайловна, тяжело садясь в старинное громоздкое кресло. Напряжение сегодняшнего дня явно истощало ее силы, и Максим больше решил не донимать Елену Михайловну расспросами и попросил лишь показать книги.

– Это невозможно сейчас, Максим, – сказала Елена Михайловна, позевывая. – Давайте отложим это до завтра. Утро вечера мудренее.

И Максиму ничего не оставалось делать, как согласиться.

Наутро, подав чай, Елена Михайловна положила на комод перфоратор, напускно и насмешливо произнесла:

– Перфоратор – это тайный ключ к книгам.

Максим вопрошающе посмотрел на Елену Михайловну.

– Дело в том, Максим, что книги в стене за фотографией. Нужно вытащить один ряд кирпичей. Пылищи-то будет! – расстроено сказала Елена Михайловна.

Работа оказалась не так проста, как казалось вначале. Кладка оказалась добротной, не то что сейчас. Но в итоге книги были извлечены. Книг было две. Они были завернуты во множество слоев различного материала. В итоге имели приличный вид, хотя сразу чувствовались ветхость и старина. И, конечно, вес. Одна из них весила навскидку килограмм пятнадцать и была весьма приличных размеров. Ее большой вес был обусловлен тем, что страницы книги представляли из себя выбеленные телячьи шкуры. Другая же состояла из толстых журналов, заполненных рукописным текстом, как оказалось, почерком деда, Федора Акимовича. Целый день был убит на восстановление порядка, и только поздним вечером все собрались за чаем, чтобы обсудить дальнейшие действия. Крайнее возбуждение охватило Максима и передавалось Елене Михайловне и Даше. Максим ощущал соприкосновение с великой тайной, и вся его сущность была наполнена пониманием новой жизни, полной смысла; и прошлая жизнь, пустая и суетная, никогда уже к нему не вернется. Максим то, заливаясь от смеха, травил свежие анекдоты, то внезапно умолкал, уставившись в одну точку. Елена Михайловна настаивала, чтобы Максим остался у них, пока изучает книги. Даша, вторя своей маме, сложив в молении руки на груди, уговаривала остаться Максима, но он понимал, что на изучение материалов уйдет не неделя-другая, а гораздо больше времени, и не желал стеснять домочадцев.

– Хорошо, в таком случае я попрошу своего знакомого, который многим мне обязан, отвезти тебя на машине в Москву. И не спорь, – Елена Михайловна властно подняла руку навстречу привставшему было Максиму. – Если дед боялся держать их даже дома и прятал в глухой стене, то перевозить их в поезде тем более опасно. И пообещай мне сообщить о себе по приезде и, вообще, не забывать нас.

Елена Михайловна отвернула голову куда-то вверх и вправо, глядя в точку под гардиной. Как бы она ни старалась сдержать слезы, они потекли только еще стремительней. За окном раздался звук тормозов. Елена Михайловна, узнав скрип тормозов старой «Волги», который было трудно перепутать с наводнившими город иномарками, удовлетворенно произнесла: «Миша приехал». Максим скептически посмотрел на транспортное средство, еще пятнадцать лет назад считавшееся прерогативой особо важных персон, и аккуратно задал Елене Михайловне актуальный вопрос:

– А ему доводилось ездить на дальние расстояния на этой машине?

– Не волнуйся, Максим: у Михаила машина в хорошем состоянии.

Максим обнял ее, и Даша, не сдержавши слез, бросилась к ним. Утром Максим сел в потрепанную «Волгу» и поздно вечером он был уже у себя дома.

ГЛАВА 5 ВОЛХОВАНИЕ

Вот уже десять недель Максим краптел над древними книгами. Много было новым, многое – непонятным, что-то пришлось переводить, тратя уйму времени на несколько предложений. Толстенная книга представляла из себя древнеславянские веды³, повествующие о событиях от Крещения Руси и в глубь веков на тысячи лет. Описанное в книгах выглядело шокирующим и никак не сочеталось со знаниями истории, усвоенными сначала в школе, а затем – в универе. Максиму часто по роду профессионально изучающего историю человека приходилось сталкиваться с фактами фальсификации истории, но такой сенсационный документ, открывающий целый мир на белом пятне русской истории, ему приходилось видеть впервые.

– Хотя чему я удивляюсь? – озадаченно чесал затылок Максим. – Вся история человечества – наглая фальсификация, преследующая цель защищать и облагораживать лелеемую систему. Смена политического режима, как правило, сопровождается реставрацией истории. Смена религии, тем более. В данном случае на Руси были уничтожены все источники, повествующие об истории Руси до христианства. Любая мощная система сама себя охраняет, генерируя свою правду, чтобы самовозвеличить себя и потопить конкурента. Спросите любого американца: кто, по его мнению, выиграл Вторую мировую войну? Любой ответит, что Америка, и никто не вспомнит об участии в войне какого-то там Советского Союза. И то, что наши людские потери превосходили американские более чем в семьдесят раз, и что Штаты начали непосредственные военные действия менее чем за год до окончания войны, совместно с союзниками и весьма ограниченным контингентом, – никто не знает в самих Штатах. Югославы скажут, что в подрыве боеспособности Вермахта сыграло ключевую роль партизанское сопротивление в Югославии. Ватикан лишь брезгливо прокомментирует тему языческих времен в Европе и промолчит, что уничтожал людей, исповедующих старую веру, на кострах инквизиции шесть веков, отменив инквизицию только в девятнадцатом веке. И русская православная церковь промолчит о количестве карательных экспедиций, посланных против супостатов, не принявших новую веру. Никто не посчитает, что количество христианских мучеников на много порядков меньше, чем мучеников, погибших за веру старую, веру предков. Ложь, обман, фальсификации ради управления умом обывателя. И так как среднему мирянину не интересны в принципе данные постулаты, то общество превращается в серое стадо овец, которое пасут мощные системы в лице крупных держав, религиозных центров, крупнейших финансовых корпораций, тайных организаций.

Другая книга, собственно говоря, и не книга вовсе, а рукопись, старательно переписанная Федором Акимовичем с утерянной книги Белеса⁴. Исходя из приписки, сопровождавшей рукопись, было понятно, что, служа во фронтовой разведке в годы Второй мировой войны, Федор Акимович участвовал в секретной операции, в результате которой нашей разведгруппе удалось опередить немецкую разведгруппу Аненербе⁵, которая специализи-

³ Веды – знание, учение, являющееся основным источником знаний древних народов об устройстве мироздания до христианизации мира. Написаны около трех тысяч лет до Рождества Христова. Описывают события, происходящие на Земле за десятки тысяч лет до их написания.

⁴ Книга Велеса – книга новгородских жрецов IX века, посвященная богу богатства и мудрости древних славян, Велесу, чудом сохранившаяся до XX века, но вновь утерянная в годы Второй мировой войны. Описывает события, происходившие на землях славян и русичей вплоть до времен Рюрика.

⁵ Аненербе – буквально «наследие предков», организация, существовавшая в Германии в 1935-1945 годах, созданная с целью изучения оккультных практик древнего мира, а также традиций и истории арийской расы.

ровалась на поиске оккультных документов и артефактов. В приписке не говорится, каким образом деду удалось законспектировать редкую книгу, следы которой в будущем были утеряны безвозвратно. Но ему это удалось! И нет никаких сомнений, что удалось с риском для собственной жизни. Что ж, Максим уже понял, что дед был крепким орешком. Собственно говоря, эта рукопись и представляла из себя самую большую тайну, содержащую магические заклинания, обряды и молитвы.

Шесть недель Максим осваивал тайны книги Белеса, многотрудно вникая в древние символы и заклинания. Самое сложное было поверить в то, что это работает, и, решившись утвердиться в своем скептицизме, Максим отважился на магический эксперимент с левитацией предметов. Макс удобно расположился на мягком спортивном коврике, скрестя ноги по-турецки. Проведя необходимый ритуал и войдя в трансовое состояние, начинающий адепт нашептывал заклинания, сосредоточившись на телевизоре, который, в свою очередь, никак не реагировал на воздействия мага.

– Максим! Иди есть. Сидишь как сыч взаперти уже сколько дней! Поговори с матерью, хоть когда она тебе обед сготовила, – дверь отворилась, и Вера Сергеевна появилась в дверном проеме, подбоченив руки, занятые половником и тряпкой.

Максим разочарованно перевел свое внимание на маму, которая в очередной раз без стука ворвалась в его комнату, и глаза Макса стали непроизвольно расширяться, так как он почувствовал, что падает. Макс пролетел около метра и больно шарахнулся задом о спортивный коврик. Мама с онемевшей от испуга гримасой вопрошающе смотрела на сына. После продолжительной паузы, требующей уже каких-нибудь объяснений, Максим с видом циркового клоуна воскликнул, будто он был на арене:

– Классно, мам, я прыгаю! Видел в театре, как балеруны прыгают, думал, тоже так смогу.

– Какой из тебя балерун?! Иди поешь! Думала, ты делом занят... Что с тобой происходит, не понимаю? – удрученно произнесла Вера Сергеевна, повернувшись было, чтобы вернуться на кухню, но тут остановилась и задумчиво спросила: – А как у тебя зависнуть в воздухе получилось?

– Это иллюзия, мам, как у Копперфильда⁶ в шоу. Не бери в голову...

Максиму на секунду стало стыдно за нелепость ситуации и глупые слова, первые, что пришли на ум после падения. Но в следующий момент он понял, что произошло чудо, в которое он не мог поверить. И первым желанием было повторить опыт. Максим открыл форточку и затянулся сигаретой, выдыхая полной грудью в осеннюю ночь. Возбуждение, охватившее его, потрясывало все тело, и мысли не могли обрести покой. Скорее, это был ступор, произошедший от понимания новой реальности. Но, когда сердце перестало бешено колотиться и мысли обрели былую ясность, Максим с совершенной очевидностью понял, что к опытам нужно подойти с большей ответственностью, чтобы не наделать глупостей. Один за другим окурки набивали пепельницу, как шпроты банку. Максим сидел на рабочем столе, подперев обеими руками голову, уткнувшись взглядом в огни ночной Москвы. Нет, это была не поза мыслителя. Он имел вид человека, пережившего эмоциональный шок. Такой вид бывает у влюбленных, людей, потерявших близких, или хронических мечтателей. В дверь постучали.

– Да-да, – задумчиво произнес Максим.

– Старик, ну ты даешь! – ворвался в комнату Димка, заменяя по уровню производимых децибелов цыганский табор. – Мы все тебя потеряли. Телефон не берешь, сам не звонишь...

– Кто все? – все так же задумчиво пуская кольца дыма в открытую форточку, скудно спросил Максим.

⁶ Дэвид Копперфильд – популярный иллюзионист Дэвид Коткин, взявший псевдоним персонажа Диккенса.

– Как кто?! Да все. Стас так последнее время по несколько раз в день спрашивает, куда ты пропал.

Максим наконец-то развернулся в сторону друга, и его лицо выразило некоторое удивление.

– Арина, – продолжал Дима, – несколько раз звонила, а вчера зашла ко мне. Одним словом, она просила меня посодетствовать в вашем перемирии. Гордость ей не позволяет заявиться к тебе. Ты сам-то не скучаешь по ней?

Максим ответил молчанием. Он скучал по Арине. По ней нельзя было не скучать. Эффектная, подтянутая, она всегда излучала позитив и энергию. Люди к ней тянулись, как мотыльки к свету. Она всегда, или почти всегда, старалась слиться в унисон с настроением Максима и окружала его заботой и вниманием. Окружающим не надо было лишних слов, чтобы понять, как любит и ценит она его. И Макс, конечно, не хватало ее любви, ее тепла, ее идеального упругого тела, в конце концов. Женщины, встречающиеся на жизненном пути Максима, – а он всегда был интересен для них, – в итоге проигрывали Арине не в одном, так в другом. Тот комфорт, которым окружила Ариша Макса, стал для него за последние годы нормой, и, потеряв его, Макс утратил и покой. Но все же они были очень разные. Аришка смысл жизни находила в каждом прожитом дне. Она любила шумные компании и всласть погалдеть, обсуждая самые незначительные события текущих дней, смачно потягивая очередную порцию алкогольного коктейля. Она любила жизнь. Жизнь любила ее. Вечерняя Москва, тусовки, ночные клубы были площадкой для ее ежедневной деятельности. Впрочем, это было абсолютно нормально для молодой особы двадцати пяти лет отроду. Это Макс, скорее, был белой вороной в ее компании. Он как-то рано повзрослел, ненормально много читал, не разменивал время на пустое времяпрепровождение и рано начал ставить перед собой серьезные цели. В семнадцать он прочел все стоящие внимания труды по философии, психологии и физиологии. Жадно изучал историю, экономику, геополитику. И в своем, по большому счету, еще молодом и незрелом возрасте, мечтал изменить мир к лучшему, оставив глубокий след в истории мироздания. Обывательская психология для него была чужда, и ему затруднительно и неинтересно было поддерживать праздный разговор в компании о стоимости сотки земли в двадцати километрах от МКАД или выходе новой модели «инфинити», в которую, со слов Стаса, «телки лезут сами, как мыши на звуки волшебной флейты из "Щелкунчика"». В такие моменты Смыслов разочарованно замолкал, и часто без перспективы органично влиться в праздную болтовню товарищей. Это их с Ариной и отличало, и удаляло друг от друга, как центробежная сила. Макс мучился, но ничего с собой поделаться не мог. Он предвидел расставание как событие непреодолимой силы. Когда это может случиться? Через год, два... десять лет? Или за это время они смогут привыкнуть друг к другу. Но события последних месяцев сделали Максима еще более замкнутым. Он представил, что в комнату сейчас войдет Ариша и вкрадчивым и ласковым голосом скажет: «Лапуль, ну, хватит дуться, пойдем зажжем с ребятами в каком-нибудь клубешнике сегодня. А потом поедем ко мне, и у нас будет красивая ночь». Макс представил, как он зажигает в клубешнике, особенно после произошедших событий, и засмеялся.

– Ты что ржешь? Не думаю, что в твоих интересах потерять Арину. Таких девчонок, как она, одна на миллион, – повысив тон, словно дюбель-гвоздь вогнал дружеский совет в голову Макса Дима.

– Да, конечно... ты прав, – рассеянно прогундел Максим.

– Ладно, давай сменим тему. Как съездил? Что вообще у тебя происходит такого важного, что ты друзей совсем забыл?

Состояние Максима вызвало озабоченность у Дмитрия. Макс явно находился не в своей тарелке, и Дима уже пожалел о своем кавалеристском наскоке.

– Дружище, не грузись, облегчи душу, что происходит-то? – продолжал напирать Дима.

– Старик, успокойся: просто как-то насыщенно у меня последнее время протекали события. Устал, наверное, – немного слукавил Макс. – Осваиваю здесь один фокус с левитацией предметов... якобы, – стараясь преподнести как шутку сказал Макс. – Смотри.

Макс театрально направил руки на цветочную вазу и, сосредоточенно производя пассы руками, начал про себя читать магические формулы. Ваза не шелохнулась.

– Кретин ты, Макс. Беги лучше к Арине, Копперфильд доморощенный.

Дима укоризненно вздохнул и направился к выходу. С досады Макс энергично махнул рукой, и ваза, как боевой снаряд, пролетела через всю комнату, звонко разбившись над головой уходящего товарища о дверную коробку. Дима медленно, на полусогнутых от испуга ногах, развернулся к Максиму. Молча он выпятился на друга и явно ждал объяснений.

– Ну... я еще плохо владею... методом, – запинаясь, коряво извинился Макс.

– Методом?! – прорычал Дима, мимоходом оценивая баллистику полета вазы и непосредственную удаленность Макса от вазы в момент броска. – Да ты чуть не убил меня! Как тебе это удалось?! – сменив гнев на любопытство и засверлившись в глаза Максима, требовательно спросил Дима.

– У меня пока вопросов больше, чем ответов. И пока я не знаю, что тебе сказать. Дружище, мне надо отдохнуть, давай я тебе отзвонюсь на днях.

– Хорошо, до связи, – сказал Дима и стремительно вышел вон, на прощание выразительно зыркнув на друга взволнованными и вдруг ставшими огромными глазами.

ГЛАВА 6

ВРАТА ВРЕМЕНИ

Подходил к концу февраль 2006 года. Стас, Шурик и Дима названивали Максиму с целью забронировать места в ресторане на празднование Международного женского дня и интересовались участием Максима в этом мероприятии. Последние пять лет они встречали 8 Марта всегда вместе. Менялись иногда только спутницы Дмитрия и Стаса. Дмитрий никак не мог найти достойную женщину, а у Стаса достойные женщины на каждую встречу 8 Марта были одна достойней другой. Правда, в последний раз Стас прибыл один. Максим неизменно встречал этот день с Аришей, а Шурик – со Светланой, в супружестве с которой пребывал уже семь лет и никогда не давал повода усомниться в своей верности. Но в этот год все складывалось иначе. Друзья не могли вытянуть Максима ни на одно мероприятие уже несколько месяцев. А Стас и Шурик так вообще не видели Максима с посиделок у Димы. Такого не было никогда. Дело осложнялось тем, что отношения Максима и Ариши стали представлять из себя сложную конструкцию, в которой Арина стремилась к Максиму, а Максим инертно отмалчивался. Эта ситуация сохраняла неопределенность до тех пор, пока Арина не призналась в телефонном разговоре Максиму о своей беременности, которая явилась следствием неудачной попытки примирения между ними. Дмитрию, больше всех переживавшему за друга, все же удалось вытянуть Максима «на пару рюмок чая» в ближайший кабак, в котором друзья часто собирались, чтобы провести время и обсудить последние события.

– Старик, мне кажется, пришло время открыться другу. Что происходит? Если ты не скажешь мне, то с кем ты еще поделишься?

В рестораничке тихо звучала композиция Иглз «Отель Калифорния». Полузакрытые ложи ресторана скрывали разговоры, доносящиеся с соседних столиков. Приглушенный свет и холодный «Абсолют» располагали к разговору. Максиму тяжело было сознавать, что жизнь его стремительно меняется, и самому хотелось выговориться.

– Арина беременна, – начал по существу Максим, – и я как честный человек должен на ней жениться.

– Вот это новость! Я рад за тебя, Палыч! – проглотив первую рюмку и нанизывая на вилку ароматные бараньи ребрышки, воскликнул Дима, чуть не подавившись.

Максим, медленно ковыряясь в тарелке и как будто ища в ней затерявшуюся икринку, из-под бровей поднял глаза на искренне торжествующего друга.

– Я боюсь, Дим, тяжело ей будет со мной.

– С тобой сейчас всем тяжело, – резонно вставил Дима. – Что происходит-то?

– Помнишь, я ездил в Казань? – произнес Максим после продолжительной паузы. Он боялся, как бы его откровения не вылились ему боком. Дед предупреждал в рукописях, что любая огласка может вызвать непоправимые события или преследования. Правда, с чьей стороны Максим не представлял.

Во-вторых, он боялся быть не понятым. Но ему хотелось облегчить душу, тем более кто как не Демон может дать дельный совет?

– Ну и?.. – заерзал от нетерпения Дима.

Максим подробно изложил обстоятельства последних событий, начиная с поездки в Казань вплоть до последних дней.

– Старик, я тебя давно и хорошо знаю, но, если честно, у меня конфликт восприятия твоей информации.

– Смотри на камин, – серьезно произнес Максим, переводя внимание на роскошный камин из зеленого мрамора в углу зала с заложенными в него березовыми дровами. – Сейчас я его зажгу.

Дима скептически обратил свой взгляд в сторону камина.

Максим сосредоточил внимание, и через несколько секунд в камине разгорелось пламя, на которое, как на инопланетянина, таращился Дима.

Мимо камина продефилировал администратор ресторана и, увидев горящий не по расписанию камин, устроил взбучку официантам. Те тупо зыркали друг на друга, не понимая, кому пришлось в голову его зажечь.

– Хоттабыч, мать твою. А что еще можешь? – совершенно с детским любопытством, понизив голос, прошептал Дима.

– Смотри.

Через несколько секунд Максим поднялся с дивана, прошел через весь зал к барной стойке ресторана и, прихватив с бара увесистую бутылку «Абсолюта», вернулся назад никем не замеченный. Дмитрий был поражен, наблюдая, как персонал смотрел куда угодно, но только не на Макса.

– Я еще попроказничаю, – озорно произнес Максим, входя в роль графа Калиостро. – Молодой человек! – повелительно махнул он рукой, подозвав официанта.

– Что угодно?

– Будьте добры, замените нам пепельницу.

Официант с готовностью бравого солдата подхватил пепельницу, но она вылетела у него из рук, и все окурки полетели на стол. Бедный парень растерянно смотрел на клиентов.

– Я думаю, не чрезмерной будет моя просьба за счет заведения организовать нам новые блюда на наш выбор и бутылочку водочки в качестве компенсации, – требовательным тоном произнес Максим.

– Конечно, конечно, – протараторил бедный малый и, торопясь, стал убирать практически пустые тарелки со стола, в которых оставалось больше окурков, чем еды.

– Ха-ха! – весело закатился раскатистым смехом Дима, как только официант скрылся с глаз долой.

– Но это все баловство, – уже серьезно произнес Максим. – Суть в том, что это – азы, игрушки. А все мои практики должны привести меня к более серьезным вещам Дед, – так ласково Максим называл Федора Акимовича, а по сути, свое прошлое воплощение, – оставил ясное указание, что моя цель – врата времени.

– Это что еще такое?

– Я сам пока еще не знаю, а узнаю только тогда, когда попробую. То есть произведу ритуал, но... – Максим заглянул в глаза другу, – я боюсь. Косвенно я могу лишь судить, что, возможно, это перемещение во времени. Но... – Максим шандарахнул следующую порцию беленькой, – это не пепельницы опрокидывать. Если это так, то перемещение реальное или виртуальное? А могу ли я там застрять?

– Макс, может, этого ничего нет, и мы водки просто с тобой накушались? – обняв друга за плечи, пьяно выдохнул на Максима Дима. – Тут задумаешься: то ли жениться и детей растить, как все нормальные люди, то ли стать Хоттабычем и жить одному, потому что близких ты с ума сведешь. Палыч, а можно я тебя Хоттабычем называть буду?

– Только попробуй, – резко урезонил его Максим. – Я тебя в лягушку превращу.

И друзья громко рассмеялись. Домой возвращались они уже поздно, завывая протяжно на полную луну: «Там, где клен шумит над речной волной». Мороз приятно обжигал распахнутую грудь. Снег, падающий крупными мягкими хлопьями, свежо бодрит дыхание, и первый раз за много времени Максим почувствовал радость в душе: то ли от дружеских объятий Димы, то ли от изрядно выпитого «Абсолюта».

Максим нетерпеливо налил холодного рассола и тремя глотками осушил стакан.

– Бр-рр. Чем лучше вечер, тем тяжелее утро, – проникла банальная мысль в трезвеющий мозг Максима.

– Максим, к тебе Ариша, – раздался из коридора голос Веры Сергеевны.

На кухню гордо вошла Ариша, и весь ее вид демонстрировал, что их разговор на лебединую песню похож не будет. Максим повторил оздоровительную процедуру вторым стаканом рассола и театрально развел руки, приветствуя Арину. Выглядело это нелепо. Яркую, ухоженную, пахнущую новым ароматом от Диор женщину встречал бледный, взъерошенный, в красных семейных трусах, вчерашний граф Калиостро.

– И это отец моего будущего ребенка! – горестно поджав губы, Арина элегантно села в кресло. Она прикрыла глаза рукою, но видно было, что ее лицо исказила гримаса страдания. Но тут Арина взяла себя в руки, поняв, что макияж, который она тщательно готовила к боевому походу, может быть безнадежно испорчен, захлопала глазами, проветривая ресницы, и открыла лицо, которое выражало волю железной леди, спокойствие и красоту.

– Как им это удастся? – подумал Максим. Она находилась у него дома не более одной минуты, но он уже чувствовал вину перед ней и готов был смыть ее кровью, как штрафбатовец.

– Все говорят, что ты занят серьезной работой, и я верю в это, стараюсь понять тебя, а ты гудишь по Москве сутками напролет.

«Еще одно слово – и я прыгну с балкона», – пронеслось в голове у Максима.

– Аришечка, да первый раз такое, – вмешалась Вера Сергеевна, пытаясь перевести разговор в мирное русло. – Это они вчера с Димкой Смеховым встретились. Да и слава богу, а то сидит как сыч дома.

Вера Сергеевна была бы рада женить сына на Арине, потому что хорошо знала ее, и она ей казалась вполне положительной девушкой. Во-вторых, пора бы, да и внуков хочется.

Лицо Арины смягчилось, но она продолжила атаку, беря октавы все выше и выше. Максим молча открыл форточку и закурил, спокойно глядя на падающий снег. Арина вдруг оборвала речь на половине фразы и бессильно замолчала.

«Она могла бы найти себе кого угодно, но ей нужен я, потому что любит. Это раз, – думал Максим. – Она беременна. Два. Мы знаем друг друга пять лет, и лучше ее я никого не встречал. Три, – Максим загнул еще три пальца. – А то, что я Хоттабыч, я предупреждал».

– Дорогая, просто назначь сама день свадьбы, – уже вслух произнес Максим.

Лицо Арины просветлело и, оплеля руки вокруг шеи жениха, она сочно поцеловала его в губы. Мама пустила слезу:

– Отец еще не знает. Вот радость-то!

Через пару часов Арина, радостно щебеча, попрощалась, сославшись на неотложные дела.

Максим, устало упав в глубокое кресло, нажал на дистанционку телевизора, пытаясь отвлечься от нагромождения событий, неожиданно вторгшихся в его жизнь и меняющих ее с неукротимой быстротой. Мысли укладывались слоями, бродили по кругу, вызывая эмоциональные переживания разного толка, и через час в голове Максима промелькнула мысль, что ни одного слова из вещающего телевизора он не воспринял. Отключиться не получалось.

– Ну что ж, – многозначительно сказал Максим самому себе и набрал сотовый Дмитрия.

– Привет, дружище. Как самочувствие?

– Как сказал один российский «златоуст», «лучше водки может быть только хуже», – имея в виду премьера Черномырдина, неузнаваемым голосом проронил Дима.

– Старик, ты вчерашний день хорошо помнишь?

– Конечно. В цирк теперь ходить не надо.

– Я думаю, не лишним будет тебе напомнить, что это не цирк И рассказывать об этом нельзя никому. Я доверился тебе, потому что считаю тебя надежным человеком.

– Можешь не переживать, Макс. Один раз от меня утекла информация, но тогда я принял все за твою усталость, полагал, что ты запутался в жизни, и пытался помочь. Сейчас я понимаю, что ошибался. Можешь рассчитывать на меня.

– Было бы здорово, если бы ты зашел ко мне. Возможно, потребуется твоя помощь.

– Не вопрос, Макс, приведу себя только в порядок.

Смехов появился через пару часов. С порога пахло морозцем и легким перегаром.

– Я женюсь, – известил Дмитрия Максим, располагая друга в удобном кресле.

– Да из тебя события извергаются, как из телевизора лента новостей. Да это и замечательно, старик. Иначе ты потерял бы ее. Сам знаешь, какой шлейф мужчин вьется за твоей Аришкой. Мне кажется, – после некоторой паузы сказал Дима, – даже Стас к ней равнодушен. М-да... Моя бабушка интересным образом ловила мышей. Она скатывала бумагу трубой, в виде тубуса, и внутрь с одного края тубуса вкладывала сыр. Тот край, где располагался сыр, свисал над ведром. Другой край клеем крепился к мышиной тропе. Мышка заползала внутрь тубуса и ползла к сыру, бумажная труба прогибалась, и мышка вместе с сыром падала в ведро. В тот момент мышка становилась счастливой обладательницей сыра, но она тогда еще не знала, что из ведра ей не выбраться. Так же и люди не знают, какой из их шагов стал необратимым. Мы все просто живем, делая шаги в жизни, кажущиеся нам часто незначительными, и все равно меняем реальность, из которой дороги назад нет. Мы стремимся за своими страстями, и они меняют нашу жизнь. К своей Наташе я проявил сначала чисто мужской интерес, который незаметно перерос в привязанность, затем – в глубокое чувство. И, хотя у нас ничего не получилось, в итоге этот сыр перевернул и мою жизнь, и ее тоже, а все началось с незначительного: «Привет, меня зовут Дмитрий».

Смехов по-хорошему позавидовал Максиму. Ему перевалило за тридцать, и в нем уже начинали отдаленно звучать легкие нотки неудовлетворенности содержанием жизни, которые несколько позже зазвучат симфонией в сердце каждого мужчины, что у психологов носит заезженный термин «кризис среднего возраста», а по сути, это экватор жизни, когда мужчина задает себе прямые вопросы: что я смог сделать в этой жизни, а что еще не успел? что смогу еще, а что уже нет? мимо чего прошел и не вернешь никогда? Когда начинает чувствоваться угасание жизни и ты понимаешь: чтобы что-то еще успеть, возможно, нужно ординально поменять жизнь, работу, приоритеты, ценности. Это тот возраст, когда осуществляются великие взлеты личности и великие падения. И, увы, когда многие совершают ошибки и, паче того, расстаются с жизнью. Как Пушкин, Высоцкий, Даль, Миронов и тысячи других талантливых и вовсе бесталанных и неизвестных людей, в которых горела душа и давала свет надежда еще многое успеть, еще многое исправить, еще многое почувствовать, вдохнуть глоток свежего молодого ветра. И, как знать, сколько бы успели сделать еще эти люди, если бы не сломались, если бы не сожгли себя терзаниями: «А смогу ли я?» и своими ошибками. Дима вспомнил свою Наташу. Ему стало грустно. Прошло восемь лет, а он все помнил ее и, по-видимому, любил ее. Ни одна женщина не смогла заменить ее в сердце Дмитрия. Но шли годы, и в жизни Димы ничем существенным образом не менялось.

В то время, когда Дима доносил до него свой философский опус, Максим нервно отмечал шаги по комнате.

– Дим, со свадьбой все решено. Я считаю это правильным и логичным решением. Но я позвал тебя не только за тем, чтобы утвердиться в своем решении. Ты помнишь, я тебе

говорил про врата времени? Так вот, мне нужен ассистент, надежный товарищ. От тебя требуется только быть рядом. Контролировать меня, мое состояние. У меня есть опасения по поводу предстоящего эксперимента.

– Да, конечно, я готов. Ты не представляешь, как мне интересна эта тема! – Демон расплылся улыбкой юнги, впервые взошедшего на борт корабля.

– От тебя потребуется просто молча наблюдать, не мешать и не помогать мне. Мать уехала к отцу в загородный дом, и нам мешать никто не будет.

Друзья закрылись в комнате, задернули тяжелые портьеры, хотя на улице было уже совсем темно. Макс зажег восемь свечей, нарисовал магический круг и, расположившись внутри него, начал читать мантры⁷. Дмитрий устроился на кресле в углу комнаты, нервно покусывая губу и ожидая каких угодно чудес наподобие тех, которые он видел вчера. Но прошел час – и ничего не происходило. Максим сидел, как мумия. Казалось, он не шевелится и не дышит. Доносились звуки с улицы, соседи сверху подвинули кресло, видимо, поудобней располагаясь перед телевизором или компьютером, но от Максима, как бы он ни напрягал слух, не доносилось ни звука. Так прошел еще час, а может быть, два. Наступала ночь, и сказавшиеся естественные биоритмы и мягкое кресло повергли Дмитрия в сон.

Когда Дмитрий проснулся, уже светало. Его разбудил снегоуборщик, шумно прошедший мимо дома. Дима нервно вздрогнул, поняв, что он проспал. Но в следующую секунду он понял, что ничего, собственно, не произошло. Максим все так же сидел в неизменной позе. Дмитрий подошел поближе, внимательно вглядевшись в лицо друга. Бледное, безжизненное лицо Максима уподобилось маске мертвеца. Дмитрий хотел было броситься на помощь другу, но вспомнил, что Максим строго-настрого запретил ему вмешиваться в процесс. Дмитрий вытер холодный пот со лба и вышел в коридор.

– Людочка, меня сегодня на работу не ждите. Кажется, я серьезно заболел. Да, да, справитесь. Если потребуются текущие документы, возьми у меня в столе. Либо откроешь компьютер. В общем, ты знаешь – не первый раз.

⁷ Мантра – заклинание, священный текст, оказывающий требуемое влияние на разум, эмоции и внешние предметы.

ГЛАВА 7 ПРЫЖОК

Максим вошел в трансовое состояние, непрерывно читая магические заклинания. Время остановилось, и он понятия не имел, сколько часов прошло с начала ритуала. В конце концов, он потерял связь с объективной реальностью, перейдя границу транса и сна.

Открыв глаза, Максим понял, что находится внутри шатра из серовато-белой ткани, похожей на лен, сквозь которую пробивались лучи яркого летнего солнца.

– Очнулся, отрок?

В Максима вперился внимательный взгляд седовласого старца. Подойдя к Максиму, он опустил руки в стоящую рядом кадку с водой и омыл руками лицо Максима.

– Разумеешь, где находишься? – спросил старец строго, хотя глаза его излучали тепло.

– Надеюсь, не в психушке, – очумело глядя по сторонам, ответил Смыслов.

Старик обернулся на стоящих в глубине шатра мужчин средних лет, одетых в длинные льняные рубахи, и они тут же подошли к Максиму с обеих сторон, Максим напрягся, но все же явной угрозы в их действиях он не почувствовал.

– Ты кто? – спросил старец, немного склонив голову набок с видом дедули, озорно задающему загадки малышам.

– Максим Смыслов. А в чем, собственно, дело? Где я? – занервничал Максим, уже догадываясь, но все еще не веря в то, что произошло.

– Отрок, скажи мне, какой нынче год, Максим... Смыслов?

– Две тысячи шестой.

– Это от какого же летоисчисления?

– От Рождества Христова, ясен пень!

– Дайте-ка отроку водицы целебной, – обратился старец к крепким мужичкам, стоящим рядом, как пни, и не вмешивающимся в текущий разговор.

Старец жестом пригласил Максима за дубовый стол в центре шатра. Максим встал с высоко приподнятого над полом ложа, изготовленного из досок и прикрытого рогожей. Прошел к столу. Старец усадил Максима за край стола, сам сев с торца, и развернулся к Максиму так, что их лица находились близко друг от друга. Тесемочка подвязывала длинные седые волосы старца. На шее висел амулет из клыка крупного зверя неизвестной породы. Длинная рубаха с косым воротом, подвязанная кушаком, свисала до колен. Максим хотел задать вопрос, но медлил, боясь сказать глупость, и ждал, что старик сам перейдет от вопросов к ответам.

Сев за стол, Максим только сейчас заметил, что одет не в джинсы и майку, а в косоворотку и сапоги, а на шее висит оберег-свастика.

– Испей водицы чарку полную. Поди, где сон, а где явь не разумеешь?

– Догадываюсь, – сказал Максим и отхлебнул из чарки, емкостью литра в полтора, водицы, ароматно пахнувшей медом и травами.

– Желаете на свет белый взглянуть?

– Любопытно было бы.

Старик быстро встал и прошел к выходу из шатра, жестом приглашая за собой Максима.

– Прыткий какой, – подумал Максим о старике, чей степенный возраст резко диссонировал с его динамизмом и резвостью.

Старец откинул ткань, выполняющую роль завесы над входом. В глаза брызнул свет летнего дневного солнца.

«Хорошо, что старик дал прийти в себя, водички живой дал попить, а то бы я подумал, что все еще сплю», – подумал Максим, замороженно осматривая открывшуюся картину.

Избы ровными рядами образовывали небольшие улицы, мощенные где камнем, где доской, и устремлялись к центру, где стояли терема повыше и в центре многоярусный высокий терем венчал собой незатейливый архитектурный ансамбль городка. Центр, с которого и наблюдал открывшуюся панораму Максим, располагался выше периферии городка, заканчивающегося городской стеной. Рядом располагалось еще несколько шатров, в которых сутились женщины. Мужчины сколачивали столы, а женщины занимались стряпней. Посередине площади, размером в тройку хоккейных коробок, жарился на углях бычок. Несмотря на то, что строения городка возведены были из дерева, все же инфраструктурно это был город. По правую руку от Максима располагалось капище, перед ним – огромный терем, где, скорее всего, была княжеская ставка. Слева – кузня. Оглядевшись, вокруг он увидел воеводство, мельницу, столярку. На улочках городка былолюдно. Максим заметил, что одна молодая женщина, увидев его, тронула за плечо другую и показала на Максима пальцем. Женщины засмеялись и тактично продолжили заниматься своим делом. На площадь въехали конные воины и головной в красивом плаще, чей скакун отличался особой статью и сбруей. Увидев их, он развернул коня.

– Это Князь. Говорить буду я, а ты помалкивай, да не забудь поклон отдать, – кратко проинструктировал его старец.

– Здравствуй, Княже, – отвесил поклон старец, грозно зыркнув на Максима, и тот повторил поклон за стариком.

– И тебе доброго здоровьица, Дедята. Есть вести какие? – многозначительно переведя взгляд на Максима, спросил Князь.

– Нет. Рано еще.

– Доброго дня, – Князь развернул коня, направляясь к терему, и вся кавалькада всадников последовала за ним.

– Треба, сынок, мне кое-что тебе молвить, – сказал старик, как только Князь с сопровождавшей его дружиной удалился на почтительное расстояние.

– Давно пора, а то я чувствую себя, как лабораторная крыса!

– Крыса? – старик непонимающе посмотрел на Максима.

– Не думай об этом, – махнул Максим рукой, первый раз столкнувшись с трудностью понимания людей из разного времени.

– Кличь меня, сыне, Дедятой и ступай за мной.

Дедята привел Максима в избу, где их встретила миловидная молодая женщина.

– Глебушка! – радостно простерла она руки к Максиму. Будучи беременной на большом сроке, она неуклюже перегородила половину входа в избу. Максим непонимающе покосился на Дедяту, но все же, готовый к любым неожиданностям, ответил женщине объятиями.

– Буде, буде, Ладушка. Не в себе он, – урезонил женщину Дедята. – Присядь-ка лучше да помолчи, хочу молодцу показать кое-что.

Женщина села на лавку и умолкла. Дедята приблизил голову к животу Лады и прошептал:

– Венд. Ты меня слышишь, Венд? Венд, это я, Дедята, в гости к тебе пришел.

Через мгновение живот зашевелился, и плод пришел в неистовое движение.

– Любишь ты, дед, потеху затевать, а мне ведь больно, – через зубы, сморщившись, произнесла Лада и схватилась за живот.

– Видал?! – торжественно произнес Дедята.

– Ну и что? – не понял Максим.

– А то, что Венд – мой дед и твой прапрадед. От осинки, сын мой, не родятся рябинки. Максим непонимающе долго смотрел в торжествующие глаза Дедяты.

– Пойдем-ка, добрый молодец, в капище. Там нам никто мешать не будет. До вечера беседу держать будем, а в ночь праздник Кокуй⁸ отмечать будем.

– Какой сейчас год? – взволнованно спросил Максим, когда они вышли на улицу.

– Речь уж больно смешная у тебя и непонятная. Нынче 6488-й от сотворения мира⁹. Да не спеши ты. Дойдем до капища и поговорим.

Дорогой Максим прикидывал, в каком году он находился по современному летоисчислению.

«Мир был сотворен по старославянскому календарю за 5508 лет до Рождества Христова. Получается, конец десятого века. Интересно, Русь уже крещена Владимиром или нет?» – просчитывал несложную арифметику Максим.

– Гляжу не знаешь ты нашего счета лет, а свой счет ведешь по византийскому календарю. А у них нынче год 980-й.

– Значит, Русь еще не крещена?

– Видно, быть беде, раз речи таковы ведешь. Я тебя для того и прикликал, дабы ответы получить на вопросы, что мучают меня и весь род наш. Истинно говоря, не я прикликал, а с моего наущения внук мой Глеб, в чьей плоти ты сейчас находишься. В воду и зеркало не смотришь – расстроишься.

– Прикликал? – дико вытаращил глаза Максим.

– Прикликал, прикликал, сыне. Я тебя неспроста к Ладе водил. Внучка то моя, а Глебу сестрой доводится. Когда дух умершего предка готов прибыть из мира Нави в мир Яви¹⁰, он старается возродиться в роду своем, если достоин он рода своего. И вот, когда баба, в потомках его состоящая, становилась тяжелой, дух предка подсеялся в плод. А чтобы узнать нам, потомкам, кто из рода нашего к нам возвращается из мира Нави, мы по очереди перечисляем громко имена предков наших, в роду состоящих. Кликушничаем то бишь. На какое имя плод откликнется, того предка и ждем в нашем мире, мире Яви. Так вот и ты, не совсем по своей воле сюда попал. Говорю я так, потому как приходилось мне в твоей шкуре бывать. Шагнул я тогда на тысячи годин в прошлое по зову предков и ходил там дней несколько, глазами хлопал глупыми, как ты сейчас. Удивлялся, всматривался, привыкал... Молод был... – сентиментально и проникновенно грустно сказал Дедята, и глаза его увлажнились.

– То есть все это время я был управляем?

– У тебя дар, унаследованный тобой от предков. Ты – жрец, а в одном из прошлых воплощений – Глеб, внук мой. Кого попало ведь не прикликаешь.

– А зачем тебе это нужно?

– Нужда не у меня, а у народа нашего. Далеко вперед заглянуть невозможно. Будущее как туман. Близехонько еще видно, а чем дальше, тем туман гуще.

– Я вернусь назад? – не своим голосом спросил Максим.

– Вернешься. И будешь думать, что сон видывал. Однако это явь. Бояться тебе нечего. Ты у своих, под защитой рода своего.

– Узнав будущее, ты сможешь изменить его?

Дедята отвел глаза в сторону и замолчал. После продолжительной паузы, наполненной тяжкими думами жреца, Дедята произнес:

⁸ Кокуй – день летнего солнцестояния, праздновавшийся русами, а также древними славянскими народами как день почитания Ярилы – бога Солнца.

⁹ Сотворение мира в Звездном храме – мир, заключенный между ариями, предками русое и всей белой расы, и сынами Дракона, ариями (древними китайцами). Иконописное изображение Георгия-Победоносца, повергающего Дракона, изображает именно это событие, которое произошло в 5508 году до нашей эры.

¹⁰ Мир Яви – мир проявленный, физический. Мир Нави – мир не проявленный, мир духов, мир, в который уходят умершие предки.

– Пока ты здесь, я буду звать тебя Глеб. Тебя все знают как Глеба и кликать будут Глеб-бом. Будущее изменить тяжело. Чем большее воздействие ты оказываешь на события, дабы изменить их, тем паче они сопротивляются тебе. Богиня Макошь¹¹ не дает. Все по судьбе происходит. Кому доля, кому недоля. А будешь стоять на своем – и жизни лишиться можешь.

– А в чем тогда собака зарыта?

Жрец нахмурил брови.

– Ну и язык у тебя! Тьфу!

Жрец встал и, сложа руки за спину, стал расхаживать по капищу. В задумчивости он прошел не один круг от кумира какого-то неведомого Максиму бога до стены, расписанной, как панорама Бородинского сражения, которую он видел в музее. Только в этот раз на стене был изображен Перун¹², низвергающийся с небес на всякую нечисть.

– Если я тебе дам лук и ты убьешь им белку, то ни в бытии нашем, ни в будущем, ни для тебя лично ничего не произойдет. И Макошь допустит это.

– То есть, чем мельче фигура или масштаб события, тем больше вероятность, что это произойдет?

Дедята опять нахмурился.

– Мыслишь верно. И в большой сваре мелочью может быть твой род, – Дедята в задумчивости описал еще круг, а затем продолжил:

– По большому счету, мы все делаем по велению совести и по закону рода. Поэтому выбор у нас не богат. Но мы можем напутствовать потомков, подсказать, направить... И еще... Ты – наше будущее...

– Я самый обычный человек.

– Все самые обычные люди творят историю. Просто под силу это смелым, тем, кто почувствовал в себе кровь богов.

– Что, во мне есть кровь богов? – ухмыльнулся Максим.

– Да. Мы арийцы. Русичи. И боги наши суть предки наши. И слава род наш, мы славим богов наших. И от жизни человека зависит, куда он будет двигаться по Золотому пути развития¹³: к богам или букашкам. Потому как каждый человек может стать Богом, пройдя вверх по Золотому Пути, или по нему же скатиться вниз и стать подобным насекомому.

– А что ты смог сделать тысячи лет назад?

– Узришь ли ты «где собака зарыта»? – передразнивая Максима, продолжил вещать Дедята. – Знания твои о звездах не ведомы мне, а если есть они, то поймешь, о чем речь моя. Наша Мирград-Земля¹⁴ вращается вокруг Ярилы-Солнца, а Ярило движется по Сварожьему кругу¹⁵, и каждые 1620 годин заходит в новый чертог.

– Что такое чертог? – перебил Максим, поражаясь, что задолго до Галилея и Коперника старик в косоворотке объясняет ему строение Вселенной.

– Скопление звезд.

– Созвездие, значит.

– И, входя в новый чертог, наша Мирград-Земля, как волнами, омывается новым духом. Жизнь начинает меняться, как стремнина. Приходят новые пророки и боги, руша старую

¹¹ Макошь – богиня судьбы.

¹² Перун – бог-громовержец.

¹³ Золотой путь развития – лестница восхождения души. По верованиям древних славян, душа, перевоплощаясь вновь и вновь в новом теле, обретает бесценный опыт и, совершенствуясь, восходит вверх по пути развития, воплощаясь затем на новой ступени – в другом, более совершенном мире.

¹⁴ Мирград-Земля – наша планета Земля. По представлениям ариев, один из миров космического мироздания, в котором мы не одиноки.

¹⁵ Сварожий круг – сутки Сварога – 25920 лет. В 2012 году Земля вошла в чертог Волка (Белого Пса), что обозначило окончание ночи в сутках Сварога и наступление утра на Земле.

веру. Княжества великие с лица земли пропадают да появляются новые. Сечи кровавые народы истребляют. Ветра, стужи, зной да неурожай губят колосья да живность лесную. Ты пришел из времени, когда все это будет происходить. И моя лепта – укрепить и сохранить веру предков для потомков.

– Не поздновато ли спохватились?

Дедята тревожно поглядел в глаза Максима. Редко Максим видел во взгляде столько боли.

– На землях Руси сейчас нет ни одного капища, – потухшим голосом сказал Максим.

– А что у вас... а что у нас тогда есть? – дрожа всем телом, проскрипел Жрец.

– Христос.

– Значит, византийцы победили нас?

– Нет. В книгах нашего времени толкуется, – стараясь говорить понятным для старца языком, продолжил Максим, – что князь Владимир примет христианство как веру, близкую для русского народа, и крестит Русь... Через восемь лет получается.

Глаза Дедяты налились кровью, а лицо стало бледно-пепельным. Он глядел на Максима, а может, куда-то за его плечо, застывшим взглядом, и нервно сжимал кулаки.

«Как бы insult не свалил старика», – подумал Максим и бросился усаживать старика на лавку.

– О каком Владимире речь ведешь свою окаянную, не Святославиче ли?

– О нем, – тревожно глядя на старика, ответил Максим, а про себя подумал: «Валидольчику бы ему сейчас, да где его взять?».

– Отец его, Святослав, великий князь был. Византию, хазар, болгар – всех под ногу взял. Враги Руси боялись его, а люд честной уважал, потому как за род свой живота не жалел, а над народом своим не властвовал, а правил. Великий человек был, да ошибся и он. Усыновил Святослав сына ключницы своей, Малуши, еврейки по крови. Не наша в нем кровь, не русская, а хазарская.

– Дед. Можно я буду тебя так называть?

– Можно. Я ведь пращур твой. Только в народе зови меня Дедята.

– Так вот, дед, послушай меня: если ты будешь так скакать при каждом повороте истории, ты до вечера не доживешь! А я тебе не медсанчасть. Реанимировать не смогу!

– Что сие значит?

– Не знахарь я. Помочь не смогу, – пояснил Максим.

– И что же Русь, так и приняла Христа? – переведя дыхание и притворно успокоившись, спросил Дедята.

– Я книжник, – имея в виду свое университетское образование, на понятном Жрецу языке начал излагать свои мысли Максим, – и времена эти знаю хорошо. Всего тебе говорить не буду. Боюсь за тебя. Не готов ты пока. Скажу только главное. Не сердцем Владимир веру выбирал. Двигала им корысть укрепления власти, поэтому и женится он на византийской княжне Анне, заключив союз с Византией, пообещав крестить Русь и упрочив тем самым свою власть. А судя по тому, как он жестоко расправлялся с народом, не желавшим принять христианство, можно сказать, что это палач, потому как ни один завоеватель, ни до него, ни после, не истреблял так безжалостно население. В живых останется только один из двух. Остальные будут казнены, города сожжены. А потом Русь ослабнет и обезлюдеет в результате междоусобицы между сыновьями Владимира и великой раздробленности Руси, набегов кочевников и дальнейшего раскола в вере. Останется от народа русского только один из четырех от нынешнего населения.

– Шулепа! Принеси медовухи! – гаркнул Дедята кому-то в привратник храма, и из глаз его уже катились слезы, сдержат которые он уже и не пытался.

– Не пожалел я деда, – раскаялся Максим.

Но на столе уже стояло «лекарство» в виде двух кружек ароматной медовухи, мягких хлебов и свежей дичи.

– Скажи только, сыне, устоит ли Русь? – опрокинув четверть кружки, спросил Дедята.

– Устоит, – отведав ароматный напиток, ответил Максим.

Медовуха оказалась крепким, но приятным напитком.

«Такой можно много выпить с вполне предсказуемыми последствиями», – подумал Максим.

– Слава Сварогу, не дал умереть старику раньше времени, – Жрец опрокинул еще четверть, отодвинув от себя еду к Максиму. – Не скоро, видно, ко мне желание поесть вернется.

– Тысячу лет не ел, точнее тысячу двадцать пять, – сострил Максим, жадно отламывая кусок зайчатины. – Экологически чистый продукт. Никакого ГМО, – шутя, продолжил он, ведь ничего для него нового в изложенных событиях не произошло. И если душевное состояние Дедяты можно было назвать подавленным, то Максиму кровь ударила в голову, открылся аппетит, и на свое путешествие в прошлое Максим уже смотрел с некоторым энтузиазмом.

– Знаком я с верой Христовой. Приходилось мне со Святославом Игоревичем в поход на Византию ходить. Беседу я вел с плененными воинами да со жрецами византийскими. Попами их в народе кличут. Ничего плохого в учении Христа нет. Все правильно говорил посланник Богов, – глаза Дедяты встретились с глазами Максима, – только... ничего нового в его учении нет. О любви сказано и в источниках Родной Веры. Проповедовал Иисус давно известные истины, от которых отошли иудейские жрецы. Да и учение его затем оболгали. Нет у византийцев знаний ни о мире Нави, ни о мире Прави, ни законов рода не знают, ни законов природы, ни чертогов вселенских, ни истории древней дохристианской. Не верят они в переселение душ и называют нас, русичей, многобожниками, думая, что Христос один во Вселенной управляет... Ты в чертогах каких бывал?

Максим перестал жевать и тупо посмотрел в глаза Дедяте, физиогномично выражая желание повторить вопрос.

– В созвездиях каких бывал, Глеб... Максим? Или в будущем это невозможно? – торжественно и гордо произнес Жрец, чувствуя, что попал в цель.

– А что, сейчас это возможно?

– Я «прыгал» в то время, когда это было возможно!

Максим замер, не веря своим ушам.

– Скажи, отрок, люди обрели любовь к ближнему, приняв в сердце веру Христову?

Максим никогда не задавал себе этот вопрос. Крестовые походы. Тотальное истребление индейцев в Южной Америке конкистадорами. Истребление индейцев американцами, когда вырезались нещадно женщины и дети и в живых остался только один абориген из ста. Костры инквизиции и христианизация Руси огнем и мечом, унесшие жизни десятков, а может, сотен миллионов людей. Наполеон, Первая мировая, Вторая мировая. Ватикан, давно использующий веру в Христа как ширму, за которой скрывается настоящая любовь к деньгам и власти и сопутствующие ей грязные деньги от наркотрафика, работоторговли, проституции, прокачиваемые через независимый и могущественный банк Ватикана. Где гомосексуализм и педофилия являются тайной лишь для паствы, но абсолютной нормой для слуг господних.

– Пожалуй, нет.

– То-то же, – разочарованно вздохнул Жрец. – Сегодня праздник большой. Ночь бога Купалы. Ляг поспи, а то тяжело тебе ночь дастся.

ГЛАВА 8

НОЧЬ БОГА КУПАЛЫ

Дедята расположил Максима в хоромы при капище, а сам ушел восвояси с видом тяжелобольного человека. Максиму не спалось, и он злился на себя за то, что согласился с предложением Дедяты отдохнуть. Но, поразмыслив, он понял, какое потрясение испытал старец. Человек, смыслом жизни которого было сохранение и укрепление веры предков, узнал, какое страшное будущее ожидает Русь, сколько людей пострадает за веру и, наконец, как пострадает сама вера. Максим лежал на скамье, больше схожей с нарами, уперевшись взглядом в высокие своды кельи Дедяты. И все-таки действие медовухи замедлило тяжкий мыслительный процесс Максима, и он задремал.

Проснулся Максим оттого, что кто-то потрепал его за плечо.

– Спишь так, как будто тысячу лет пешком шел. Примерь-ка одежду, – протянул Максиму Жрец ярко расшитую рубаху.

– Пьер Карден, – весело прокомментировал Смыслов, – а парфюмчика никакого не найдется?

– Глеб, не смеха ради ты здесь. О нашем разговоре знаем только ты и я. Князь спросит о тебе, но только завтра. А соплеменникам ни о чем знать не надо. Пока.

Максим понимающе кивнул головой, переоделся и вышел вслед за Жрецом из капища.

Теплый ночной ветерок ласково щекотал ноздри, донося запах яств и жареного мяса. Чистое небо открывало перед взором россыпь звезд, и воздух казался необыкновенно чистым, вкусным, густым.

«После Москвы это не воздух, а эликсир жизни, – подумал Максим. – В Москве сейчас снег идет», – и сам улыбнулся своей мысли, похожей на размышления русского туриста, отдыхающего на зимних каникулах где-нибудь в Таиланде или на Бали.

– Люди сейчас к капищу придут, требы и жертвы бескровные принесут. Богов славить будут. Ты в стороне стой, так чтобы свет от факелов не освещал тебя. Веди себя незаметно, говори поменьше. А если уж придется, то думай, что говоришь, Пьер Карден, – проинструктировал Дедята, как когда-то на армейских сборах взводный.

Максим и подумать не мог, что в таком компактно обустроенном городе проживает столько народу. Шли и стар и млад. Город осветился факелами, и ночные улицы наполнились гулом и смехом праздного люда. «У нас так на футбол фанаты ходят», – подумал Максим и улыбнулся столь нелепому сравнению, относящемуся к разным событиям и разному времени, но столь схожим внешне. Прошел Князь с дружиною, вельможи знатные, люд простой. Храм наполнялся людской толпой и казался Максиму резиновым. Перед воротами в храм остановилась девица и, нервно оглядываясь по сторонам, внимательно всматривалась в сумерки. Максиму показалась, что она увидела его, скорее, его силуэт, остановила свой пристальный взгляд на нем и прошла в храм.

Отпев славы богам и возложив жертвы, народ вывалил из капища. Кто-то остался на площади, угощаясь яствами и ведя беседы, а молодые девчата и парни стали спускаться к реке. Максим все еще находился в небольшом удалении от капища, в своем укрытии под кроной столетнего вяза. Ему казалось, что он остается незамеченным. Оставалось дожидаться Дедяты и следовать дальнейшим инструкциям. И вдруг кто-то, как мышь, проскользнул тенью, стремительно приблизившись к нему. Максим узнал ее по силуэту. Это была та девушка, которая остановилась у ворот капища.

– Глебушка, – горячо прошептала она и упала в его объятия.

«На этот счет инструкций не было», – подумал Максим, но с готовностью спасателя Малибу прижал девушку к себе.

– Пойдем к реке, я венок сплету и желание загадаю, чтобы бог Купала благословил нас, – девушка залилась звонким смехом и, увлекая за собой Максима, побежала к реке.

Огромное кострище поднималось вверх на два человеческих роста и озаряло все пространство вокруг: реку и пускающих венки со свечами девушек, хоровод и стоящих поодаль грозных кумиров русских богов. Парубки, молодые парни, коим еще не исполнился двадцать один год и кои еще не считались воинами и мужами, способными продлить род, прыгали сквозь огонь, демонстрируя девчатам свою удаль.

Подойдя поближе к костру, Максим наконец смог рассмотреть ее: темно-русая, зеленоглазая красавица глядела в его глаза спокойным любящим взором. Небольшой прямой нос, чуть припухшие красивые губы, волевой взор. «Господи, где я ее видел?!» – пронеслось у него в голове.

Красавица вдруг выпустила свои руки из рук Максима и стремительно исчезла в темноте. Прошло немало времени, прежде чем она появилась, торжественно коронуя венком голову Максима.

– Я прошу Купалу только об одном: чтобы мы были вместе. Эта жизнь не мила мне без тебя.

– А почему мы не можем быть вместе? – нарушил молчание Максим, решив, что лучше задать неуместные вопросы и получить хоть какую-то информацию, чем тупо молчать, как советовал Дедята.

Девушка немного отстранилась от Максима, чтобы заглянуть в его глаза, и когда она сделала это, Максим прочел в ее взгляде недоумение.

– Я спрашивала Дедяту, хоть мне и нельзя было это делать, где ты и почему пропал? А он ответил, что ты болен и если я увижу тебя, то пойму, насколько серьезно, и не обрадуюсь этому. Но ты же знаешь, я тебе любому рада.

– Божена, пойдем в хоровод! – прозвенел в ночи чей-то девичий звонкий голос из хоровода.

– Иди, я подожду, – отпустил ее Максим, обрадовавшись, что хоть узнал, как ее зовут, и возможности обмозговать происходящее.

Из хоровода лились песни о судьбе девичьей и о любви, а языки пламени освещали лик прекрасной спутницы Максима, так внезапно появившейся в его жизни. В незатейливых движениях Божены угадывалась прекрасная девичья стать. И редко податливый на девичьи чары, Максим понял, что околдован, сражен. В его жизни еще не было девушки, чье появление вызвало бы такую бурю эмоций.

Божена вырвалась из хоровода, подошла к Максиму и, вложив нежно свою ладонь в его ладонь, сказала:

– Взгляд у тебя дурной, как будто первый раз меня видишь. Да и говоришь ты как-то по-другому. Правду говорил Дедята: болен ты еще, видимо. Я пойду, меня батюшка с матушкой на площади вдут. Давай завтра увидимся здесь же у реки, в это же время.

– Добро, – кивнул Максим. «Только как вы его тут определяете?» – уже про себя подумал Максим.

Божена поцеловала на прощание Максима в щеку, предварительно оглядевшись, чтобы никто не заметил.

– Что стоишь как истукан, – упрекнула она Максима в ответ на его кроткое прощание и, развернувшись, пошла в сторону площади, покачивая бедрами, а Максим смотрел ей вслед, как замороженный. Простояв еще несколько минут после того, как Божена скрылась из виду, Максим вдруг очнулся и вспомнил, что его, скорее всего, потерял Дедята. Максим быстро дошел до капища, где у врат на входе сидел Жрец.

– Где был? Хороводы с девками водил? – явно раздраженно спросил Дедята.
– Божена подошла ко мне и я...
– Не смей! Не смей даже подходить к ней! – поднявшись во весь рост, прикрикнул Дедята. Впрочем, Максим уже привык к его эмоциональным реакциям.
– Посмею, – неожиданно для себя сквозь зубы процедил Максим.
– Завтра поговорим. Утро вечера мудренее.
– Прямо как в сказке вещаешь.
– Не в сказке, а в сказе. Спать иди в мою келью, – жестко поставил точку в разговоре Дедята и пошел в опочивальню.

Ночь выдалась бессонная. Мысли неслись по кругу, как скакуны: «Почему Дедята не разрешает видеться с Боженой? И почему он до трясушки был зол? Что сейчас происходит в Москве? Дима рядом с ним в его квартире? Может, тело Максима исчезло, и Дмитрий ударился в панику? А если не исчезло, то что с ним? Сон? Кома? А вдруг примут за умершего? И как надолго он здесь останется? Как назад вернется? И что делать, если здесь Божена?».

Ложе казалось непривычно жестким, несмотря на толстую рогожу, и Максим, напрасно прокрутившись много часов в поисках сна, оделся и вышел на улицу. Уже светало, над рекой сгустился легкий туман. В городе уже не было прежнего гама, и только утреннее щебетание пичуг из близко расположенного леса наполняло тишину. По периметру города располагались сторожевые башни. Максим бегло оглядел доступные взгляду башни и убедился, что в каждой на боевом посту находятся по два воина.

Напев сам всплыл вдруг в голове:

Пройдет товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно
И видеть сны, и зеленеть среди весны.

Эту песню военных лет в исполнении Марка Бернеса очень любили слушать его родители, а отец так вообще виртуозно владел баяном и эту песню напевал часто.

«Если здесь зависнуть надолго, то и курить бросишь и про «Абсолют» забудешь. Санаторий, блин», – выругался Максим, страстно возжелав выкурить утреннюю сигаретку. Поняв, что лучшее занятие сейчас – это сон, он недовольно ретировался обратно в келью.

– Глеб, вставай, – зычно скомандовал Дедята, громко шаркая сапогами по полу. – Князь нас ожидает.

– Князь? Он все знает?

– Что знает Князь, знаю я. Что знаю я, знает и Князь. Расскажешь ему, что мне созывал.

Максим и Дедята направились в терем Князя, пересекая площадь, уже наполнившуюся разным людом.

В палаты княжеские их впустили двое дружинников, стоящих у врат, и Князь жестом указал воинам выйти за ворота, оставшись наедине с гостями.

– Княже, – отбив поклон начал Дедята, – послушай Глеба, что он расскажет. Да не суди строго.

Максим изложил Князю то, что накануне рассказывал Дедяте. После долгой паузы, сопровождавшейся раздумьями, Князь наконец нарушил тишину:

– Владимир сватается к моей дочери Рогнеде. Он сейчас из-за моря вернулся, от варягов. В Новгороде сел.

Кровь ударила в лицо Максима.

– Как ваш город называется?

– Сей град называют Полоцк, – ответил Жрец.

– Боже мой! – схватился за голову Максим. – Боже мой!

– Говори! – приказал Князь.

– Дочь Ваша, Рогнеда, отказала Владимиру, потому как не мил он ей. Так?

– Истинно.

– Сказала, что негоже ей, княжеской дочери, у робичича¹⁶ сапоги снимать. Так?

– Истинно.

– Дочь твоя, Князь, замуж за Ярополка хочет, брата Владимира. А тебя зовут Рогволод, – переходя с «вы» на «ты» из-за отсутствия опыта обращения к Князю, сказал Максим.

– Верно молвишь!

Видно, что из всего вышесказанного, Князь ближе к сердцу воспринял только последние слова, и Максим понял, что Князь вначале был явно скептически настроен, не то что сейчас.

– Тебе, Княже, бояться его надо. Вероломно сердце его. Убить он тебя хочет, а дочь твою силой взять.

Рогволод нахмурился, но тут же лицо его распрямилось, и Князь захохотал во весь голос. Палаты содрогнулись от зычного смеха Князя, и на пороге показались дружинники. Князь махнул им рукой, продолжая закатываться от смеха, и воины удалились.

– Владимир – щенок Заяц трусливый. Как только погиб Олег, брат его с Ярополком, трусливо бежал к варягам, и не было его видно три года. Нет дружины у него, достойной моей, нет стен крепостных, нет силы в руках, нет храбрости в сердце. Он из рода раввина хазарского и раб душою! – сменил гнев на хохот Князь Максим сидел, опустив голову и прекрасно понимая, что Князь все-таки всерьез не воспринял его слов. Этот человек привык сам распоряжаться судьбами людей и никогда не подчинялся провидению.

– Сильный человек чаще всего великодушен, а униженный в своей жестокости меры не имеет, – обреченно ответил Максим.

– Ступай к себе, Глеб. Мы с Дедятой совет держать будем, – приказал Князь.

Дедята выглядел опечаленным, когда вернулся вслед за Максимом в капище.

– Князь не поверил тебе. Он решил, что это я тебе рассказал про его дочь, про сватовство Владимира. И мне, получается, не поверил, – печально вздохнул Дедята, – но я-то знаю, что слова тебе об этом не говорил!

День уже израсходовал свою силу, и солнце, нещадно напекавшее тело, склонилось к закату.

– Хочу искупаться на реке, – не столько спросил, сколько поставил в известность Максим.

– К Божене не подходи! – строго зыркнул на Максима Жрец.

– Растолкуй.

– Она другому сосватана. По закону нашего рода и племени своих женщин мы отдаем замуж за мужчин другого племени, а они отдают в третье племя, третье отдает своих женщин нам. Это делается многие века, чтобы мир был между племенами на нашей земле. И мы давно вражды между собою не знаем и вместе набеги кочевников да половцев отражаем. И нарушить закон нельзя. Не может из-за одного страдать весь род. Божену забудь. Не гневи меня. Ты дашь ей надежду, вернешься в свое время, а она и Глеб будут страдать. Да и не ровня ты ей.

– Мне кажется, я люблю ее, – неуверенно произнес Максим.

– Ослушаешься – накликаешь на себя наказание. Тогда обиду не держи. Привяжут вас лицом друг другу. И будете так стоять три дня и три ночи. После того не то что любить – ненавидеть друг друга станете.

¹⁶ Робичич – из рода раввина, хазарского жреца.

Максим безжизненно опустил голову.

– Ну, так я искупаюсь?

– Только не балуй!

Максим уныло добрел до Полоты, небольшой, но красивой реки, делящей город пополам. Только сегодня Максим заметил, что на возвышенности, где находились палаты Князя, капище, воеводство, избы горожан были повыше, покрупнее и по своей сложной архитектуре больше походили на терема. Налицо было деление города на аристократический квартал и поселения простого люда.

На реке женщины стирали белье, весело смеясь, поглядывали в сторону Максима.

Максим примял ковыль и растянулся во весь рост, щуря глаза на голубое небо, озаренное ниспадающим за горизонт солнцем.

«Благодать Божья», – подумал Максим, но на душе у него было грустно. Уже стало смеркаться, когда за кустами он услышал шорох «Божена», – угадал Максим по тому, как внезапно она появлялась. Из-за кустов показался милый сердцу образ.

«Ниндзя отдыхает», – озорно подумал Максим, но тут же сник, вспомнив слова старца.

– Глебушка, – прижавшись к нему, с вздыханием молвила Божена и посмотрела ему в глаза, полные тоски и тревоги.

– Нам не надо больше встречаться. Ничего хорошего из этого не выйдет. Мы восстанем против рода и погубим свою жизнь, – уныло произнес Максим.

– Дедята не сделает нам ничего дурного. Ты же внук ему, а я княжеская племянница.

В глазах Божены горел задор, и Максим чувствовал себя ньюней. Он прижал ее к груди, запустил пальцы в гриву густых, ароматных волос и долго целовал ее губы, пахнущие почему-то молоком.

– Боишься, что нас накажут? – пытливо глянув в глаза, спросила Божена.

– Суть не только в этом.

– Бог ты мой! А в чем еще?! – глаза Божены метнули яростный огонь. Максим молчал. Ему нечего было ей сказать.

– Трус! Лицемерный трус! – Божена вырвалась из его объятий и стремглав умчалась восвояси.

Простояв как вкопанный с минуту, Максим бросился к капищу разыскивать Дедяту.

– Дед, – едва увидев старца, задыхаясь от бега, крикнул Максим.

– Тише. Богов не тревожь. Не на ратном поле, чать?

– Скажи, Дедята, как мне обратно попасть?! Не могу ее видеть! Либо разреши – либо отправляй меня обратно!

– Цыц. Раскудахтался. Домой? А там что делать будешь, дальше кудахтать? Мужчина ценен своими делами, своей стезей. Делай, что должен, и будь что будет. А бабы прилепятся те, что должны прилипнуть, и отлепятся те, что не должны.

Такой ответ слабо удовлетворил Максима, и он, демонстративно усевшись на лавку, уткнул свой взгляд в кумира бога Тарха, тяжело сопя носом. Умом Максим понимал, что старик прав, но поделать с собой ничего не мог, и потому единственно правильным решением Максиму виделся побег обратно в будущее.

– Я тебя не держу. Это дело твоей совести. Обратно ты можешь попасть в трех случаях. Если здесь тебе нанесут ранение, то, потеряв сознание, ты окажешься в своем времени. Даже при потере жизни ты сохранишь жизнь там, а здесь умрет Глеб. Второе: если то же самое произойдет в твоём времени. Но если там ты потеряешь жизнь, то безвозвратно, а Глеб останется жить. И третье: ты производишь такой же ритуал, который позволил тебе преодолеть время. Дорога тебе открыта, – сказал Жрец и вышел из капища.

ГЛАВА 9 ВЛАДИМИР

Спалось и в эту ночь Максиму неважно. Снилось Москва, друзья. Димка бил его по щекам и кричал: «Проснись!». Максим просыпался, полагая, что это явь, и тревожно засыпал снова. Снилось Ариша, упрекающая Максима за то, что он опять пропал, за невнимание, проявленное к ней, а потом она сказала: «Я знаю, ты любишь другую» и растворилась во сне. Затем в его квартире громко заиграла музыка. Максим нажимал кнопки магнитолы, но выключить магнитолу не мог. Музыка звучала так громко, что по батарее начали стучать соседи. От этого звука он проснулся и вдруг понял, что стучат в ворота капища. Выбежав, Максим увидел открывающего ворота Дядю и у ворот появившегося дружинника.

– Тревога! – крикнул дружинник и исчез в ночи.

В городе была суматоха. Топот копыт, крики пробегающих людей, тревожные звуки сигнальных горнов.

Западная стена города и две сторожевые башни, прилегающие к ней, были объаты огнем. От капища до места боя расстояние составляло приблизительно метров пятьсот, и при свете горящих стен был виден ход кровавой сечи. Люди падали с девятиметровой высоты крепостных стен, извергая душераздирающие крики. Через крепостные стены летели огненные стрелы и, попадая в стоящие рядом со стеной избы, затевали пожар уже на периферии города.

«Как такое могло случиться? Перед городскими стенами огромный вал, а за ним ров, глубиной метров шесть-семь и шириной метров десять. В такой если упадешь, не выберешься никогда самостоятельно. К городу незамеченным подойти невозможно. Божена! Где она сейчас?!» – пронеслось в голове у Максима в одно мгновение, и он бросился в темноту города.

Пробегая через городскую площадь к княжеским хоромам, Максим подумал, что он недооценил сложность ситуации и, похоже, бои уже шли на улицах города. Отовсюду доносились душераздирающие крики, которые человек мог источать, только находясь в предсмертной агонии. Максим добежал до княжьего терема и, озираясь по сторонам, прикидывал шансы, где более вероятно найти Божену в такой суматохе. Мимо него пробежал разный люд, застигнутый врасплох. И бабы в ночных сорочках, и мужики, вооруженные кто топором, кто тесаком. Десятник распределял своих воинов вокруг княжеского терема, взяв его под охрану. Полагая, что если Божена доводится Князю племянницей, то жить она должна либо в княжьих палатах, либо в теремах, расположенных рядом. Справедливо предположив, что в княжеский терем его не пустит дружина, Максим бросился осматривать окрестности рядом стоящих теремов.

– Божена! Божена! – неистово орал Максим. Шум стоял невероятный, и создавалось впечатление, что Максим кричит для себя и больше его никто не слышит.

«Черт побери!» – металлическим голосом пролепетал Максим, и ноги его похолодели.

С неба летели огненные стрелы в таком количестве, что похоже это было на новогодний салют. Стрелы упали на княжий терем и на соседние терема, которые и хотел осмотреть Максим. От такого количества стрел терема вспыхнули моментально. Едким дымом заволочло улицу. Из теремов послышались бабы визги, и уличный шум, стоящий прежде, стал неслышим за этим леденящим душу визгом и воем. Люди выпрыгивали из окон теремов. Кто-то уже горел. Маленьких детишек, мальчика лет пяти и трехлетнюю дочку, мать толкнула с третьего этажа, потому что они боялись прыгать, и сама прыгнула с младенцем на руках. Вдруг сквозь сизый дым, скрывающий большую часть вакханалии и насилия, про-

исходящих в городе, показались два воина, один из которых волок девку за косу, а другой громко и неистово хохотал, склоняясь прямо к ее лицу и брызгая на нее слюной.

– Божена?! – скорее, вопросительно, чем утвердительно крикнул Максим, увидев в волосах девушки знакомую красную тесьму.

– Глеб! – жалостно и безнадежно откликнулась Божена.

– Остановитесь! – преграждая жестом руки дорогу, скомандовал Максим, и воины, как ни странно, остановились и непонимающе зыркнули на Максима. В воздухе зависла пауза, и Максим понял, что он смог воздействовать на врага благодаря своему дару, но пауза все равно конечна и нужно было что-то делать дальше. Оружия и доспехов у него не было, да и распорядиться умело ими Максим не умел. Воины, простояв таким образом, как показалось Максиму, вечность, вышли из ступора и бросились на Максима.

«Ну, вот и пипец тебе, Калиостро недоделанный», – подумал перед неминуемой смертью Максим.

Вдруг один воин упал на колени, пробитый в грудь укороченным мечом. В воздухе раздался звук, похожий на хлопанье вертолетных лопастей, и второй воин упал навзничь, сраженный вторым мечом. Максим обернулся назад и увидел за своей спиной Деяту.

«Этот старикан, который ноги за собой еле волочет, убил двумя ударами двух воинов?!» – опешил Максим, и его огромные глаза, выпялившиеся на Жреца, говорили о раздвоении в его сознании.

– Ты либо веришь в то, что можешь, либо ничего не можешь, – ответил на немой вопрос старик – Истина за тобой, Глеб. Не уберегли мы город. Укрыться надо. Скоро Полоцк падет.

– Где? – Максим взглядом обвел пылающий город.

– В капище. Храм богов они не тронут.

Максим подхватил под руку Божену, находящуюся в шоке от пережитого, и они устремились к капищу. За княжеский терем уже шла сеча, точнее, не за терем – он уже пылал, – а за княжескую семью.

– Долго не простоят, – прокомментировал ситуацию Деята и ускорил ход в направлении капища.

Зайдя в храм, Максим бросился закрывать засовы ворот, но Жрец остановил его.

– Не надо. Слухай меня: сам ничего не делай и мне не перечь, – на ходу, отдавая директивы, командовал Деята, увлекая молодых за собой по лестнице, в верхнюю часть храма.

– Добро, – с готовностью ответил Максим. Авторитет Жреца в его глазах еще больше вырос после его молниеносной расправы над врагами.

Они поднялись наверх, под своды капища, где находились маленькие комнаты: кельи для жрецов, подсобные помещения для хранения книг и храмовой утвари Деята провел спутников в комнату, доверху набитую книгами. Через небольшое чердачное окно пробивался свет от пылающего города, и через него открывался вид на городскую площадь и княжьи хоромы, точнее, то, что от них осталось.

– Как только вороги войдут в храм, мы схоронимся тут, – Деята навалился на край стены, противоположащий стене с книжными поломи, и она, подавшись, открыла темный чулан. – Если капище сожгут или оно загорится от других строений, – нам конец. Но другого выхода нет, – подытожил Деята, поглядывая в оконце.

– Да, быстро они одолели нашу дружину, – продолжил Жрец. – Никак, измена в рядах наших.

Тем временем события в городе разворачивались стремительно. Дружина, охраняющая Князя, полегла под натиском врагов, и на центральную площадь, кого волоком, кого под пиками копий, собирали княжескую семью.

– Князя с женой, Рогнеду и двух братьев ее привязали к столбам позорным, а родичей их бросили наземь, поодаль, смотреть на сие позорище, – глядя в оконце комментировал Дедята.

Максим достал с полки первую попавшуюся книгу и, стряхнув пыль, развернул на произвольно попавшейся странице, с интересом скользя взглядом по строкам, ведущим рассказ об истории древнерусской.

– И давно русичи письменность свою имеют? – хитро прищутив глаза, спросил Максим, прикидывая, насколько солгала официальная история о времени происхождения письменности на Руси.

– Все прашуры мои – а знаю я их до седьмого колена – читали и писали. Не весь народ грамоте обучен, но в жреческом роду положено грамоту знать, яко же и торговым людям, – не поняв сути вопроса, ответил Жрец.

– А в кои веки письмо на Руси появилось? – уточнил Максим.

– Знаю точно, что и двадцать круголетов лет назад на Руси письмо было. А раньше так паче того было. Предки наши знаний больше имели, нежели мы. Кто плохо хранит наследие прашуров, преуспевать никогда не будет, – резонно отрезал Жрец.

– Круголет, это сколько?

– Сто сорок четыре години, отрок. Вопросы из тебя сыпятся, как из курицы перья, – огрызнулся Дедята, поглощенный событиями, происходящими на площади.

Максим и Божена прильнули к окну, наблюдая зловещую сцену.

На площадь въехал Владимир в сопровождении своей дружины.

«Как, в сущности, он еще молод, похоже, моложе меня», – подумал Максим.

Дружинник, ехавший по правую руку от Владимира, осадил коня и гаркнул:

– Ну что, собака Рогволод, не пожелал ты породниться с Владимиром по хорошему, будем родниться по плохому, – с этими словами богатырского вида воин слез с коня, подошел к Рогволоду и яростно плюнул ему в лицо.

Максим вопросительно посмотрел на Дедяту.

– То дядя его, матери его, Малуши, брат. Воеводою при нем состоит. Добрыней зовут, – почему-то шепотом объяснил Дедята.

– Уж не тот ли это былинный богатырь Добрыня Никитич собственной персоной? – удивленно спросил Максим, но вопрос остался без ответа.

– Ну-ка, Княже, породнись с Рогволодом. А он пусть посмотрит, – с этими словами Добрыня разрубил путы, которыми Рогнеда была привязана к столбу, и, грубо схватив ее за шею, бросил к ногам Владимира.

– Расскажи теперь, чьи сапоги ты снимать не хотела, робичича? – истошно заорал Владимир. Лицо его перекосило от гнева. Одним движением рук он разорвал ночную сорочку на Рогнеде и, жестоко схватив молодую княжну за волосы, прижал ее лицом к позорному столбу.

Насиловал Владимир Рогнеду при всей своей дружине, при отце и матери Рогнеды, при ее братьях, источая гневные ругательства в ее адрес и ее отца Рогволода. Плач Рогнеды, переходящий в звериный вой волчицы, раскатывался по всему вдруг затихшему ночному Полоцку.

Божена отпрянула от окна и в страхе закрыла лицо ладонями.

– И это креститель всея Руси и, похоже, былинный богатырь Добрыня Никитич подвиги великие творят, – уныло сам себе сказал Максим.

Закончив насиловать Рогнеду, он бросил ее на землю, как добычу, к ногам своего коня. Обнажив свой меч, горячо и гневно переводя дыхание, Владимир подошел к Рогволоду.

– Ну что, Рогволод, родич ты мне теперь, хоть и не хотел ты того. Посчитаемся по родственному! – сказав эти слова, Владимир пронзил мечом грудь Рогволода и расхохотался,

ликуя в экстазе от величия своей власти, и хохот этот раздавался в ночи далеко по реке Полоте.

– Поможем Князю, други, – призывно гаркнул воевода и вместе с другими дружинниками казнил остальных членов семьи Рогволода.

Божена рыдала тихо, задыхаясь в слезах. Максим схватил ее в объятия и пытался утешить, прекрасно сознавая тщетность своих усилий. На глазах девушки казнили ее отца, бабушку, деда и ее дядю. Казнили с невероятной жестокостью, предварительно поглумясь над своими жертвами.

Владимир пиннул остывающий труп Рогволода и торжественно произнес:

– Могли бы мы с тобой, Рогволод, вдвоем Русью править, но ты перечить мне смел. А теперь один я на Киев пойду. Один Русью править буду, и Ярополк мне не помеха!

С этими словами Владимир вскинул меч в небо, и дружина ликующим ревом ответила ему.

Воевода Добрыня построил свою дружину, отдавая команды десятникам и сотникам.

– Сейчас город прочесывать будут, дозоры выставлять. Слушай, Глеб, как ворота капища закрипят, схорониться нам наскоро треба, – внимательно глядя на развод дружины, сказал Дедята.

И впрямь, один десяток воинов, отделившись от остальной дружины, направился в сторону капища.

– Хоронимся, – скомандовал Дедята и друзья скрылись в тайном чулане. Очутившись в полной темноте, Максим слышал, как Жрец задвигает невидимые его глазу засовы.

– Будем сидеть в полной тишине, пока все не стихнет и враг не уснет. Они из города уйдут еще не скоро, а уйдя, оставят тут часть дружины. Бежать надо на рассвете, иначе поздно будет. Есть из города лаз, о котором знал Князь покойный, я да воевода Рагоза. Если враги Рагозу живым взяли, то выпытывать будут, где потаенные входы да выходы с города. Нам их нужно опередить.

– А мы здесь не задохнемся? – спросил Максим, подразумевая очень маленькие размеры тайника, ширина которого, на его взгляд, была немного больше полуметра и длина во всю стену, метра три. Друзья стояли близко-близко, чувствуя дыхание друг друга.

– Не задохнемся, – приободрил молодежь Жрец, хотя испарина тут же начала покрывать его тело, – тут отдушина есть. Глаза попривыкнут – увидишь. Цыц, похоже, у нас гости непрошенные.

Донесся стук ворот капища и топот сапог.

– Левша, а ты во время осады, гляжу, больше обоз охранял. Благодаря догляду твоему ночь обещает быть не голодной, – дружинники громко захохотали.

Послышался скрип лестницы и хлопанье дверьми второго этажа. Божена, охваченная страхом, сжала руку Максима. Ее руки были влажные от испуга. Он не удержался и, прижав ее к себе, поцеловал, чувствуя, что в этот миг он отрешился от нависшей смертельной опасности, от запретов Жреца, который сейчас все равно ничего не видит. Разум Максима сейчас спал, и все его мысли занимала только она. В объятиях Максима Божена расслабилась, и казалось, что нервная дрожь, еще минуту назад колотившая ее, куда-то исчезла.

– Нет никого! Журба, идем дальше. Нам избы по правую руку от площади все еще осмотреть надо!

– Торопишься. Есть, наверное, хочешь? Брюхо-то пустое со вчерашнего утра?

– Сейчас по избам наберем. Медовухи бы достать!

Ворота капища опять скрипнули, и голоса послышались со стороны улицы.

– Ушли, – прошептал Дедята. Он слышал в тишине чулана лобызания Максима и Божены, но решил, что не время поднимать этот вопрос, и отложил его до удобного случая. – Нужно дожидаться, когда они ограбят население, нажгутся, напьются, расслабятся, убедив-

шись, что никакой угрозы от населения не исходит. Тогда в путь, – изложил короткий план Дедята.

Прошло не менее двух часов до того момента, как голоса, доносившиеся с площади, стали громче, хмельнее, а затем медленно, но верно стали стихать. Усталость после похода дала о себе знать.

– Пора, – как-то значительно произнес Дедята, как когда-то Гагарин сказал: «Поехали!». – Знаешь заговор «Невидимый»?

– Да, – ответил Максим, вспомнив магический прием, который он демонстрировал Диме в кабаке, когда увел с барной стойки бутылку «Абсолюта».

– Готовься. Божену тоже подготовь.

Через пять минут друзья, измазав лицо сажей от потушенного факела, чтобы враг не видел в ночи белизны их лиц, вышли из капища. Дедята прихватил с собой два топора и шмат веревки. В ночной свежести раздавался запах жареного мяса. Звездная ночь стала необыкновенно тихой после ночного боя, но тишина была обманчива. Они осторожно пробирались, прячась под сенью деревьев от света луны и звезд, перебежали от избы к избе, пока не добрались до избы, стоящей рядом с воеводством. Дедята напрягся. Видно было, что старик сильно нервничает. Максим, несмотря на ситуацию, несшую реальную угрозу его жизни, был спокоен. Возможно, он еще до конца не воспринимал реальность происходящего и жил как во сне. Возможно, силы давало чувство любви, так внезапно охватившее его естество.

– У воеводства дозор. Нам нужно попасть в избы, ближнюю к воеводству, – прошептал Дедята. – Зайдем с тыла.

Добравшись до двери столь желанной избы, Максим покосился на дозорных, но, слава богу, они спали, монотонно похрапывая в тиши ночи. Дедята снял с пояса огромный ключ.

«Прикольно ему было бы увидеть современные электронные ключи», – заметил про себя Максим.

Замок поддался, и дверь со скрипом отворилась. Беглецы мышью шмыгнули в дом. Дозорный, услышав шум, проснулся, встал, но, не увидев ничего стоящего внимания, снова прилег и вскоре мерно засопел.

– Пронесло, – выдохнул Максим.

– Бог миловал, – поправил его Дедята. – Помоги! – скомандовал Дедята, хватаясь за край большого дубового стола. Кряхтя и изрядно тужась, мужчинам удалось сдвинуть стол в край избы.

– Железный как будто.

– Дуб мореный, – переводя дыхание, ответил старик и, откинув половицы, стал снимать половые доски.

– Что как пень стоишь? Помогай давай!

Максим бросился помогать Дедяте, да и Божена не стояла, сложа руки. Пол был разобран – путь к свободе открыт. Перед ними открылся подземный тоннель, стены которого были выложены камнем. А кое-где доской и бревнами, предотвращая тоннель от оползней и обрушений.

– За мной, – сказал Дедята, как только зажег факел, висящий здесь же у входа.

– За тобой, Дедята, нашим бы десанникам угнаться на полосе препятствий, – пошутил Максим, зная, что никто из окружающих его не поймет, но довольный собой и столь удачно разрешившимися обстоятельствами.

ГЛАВА 10

ПОБЕГ

– Этот тоннель часто использовался нашей дружиной для внезапного захода в тыл врага, но еще ни разу им не пользовались для побега из города, – громко, словно экскурсовод, рассказывал Дедята, как только беглецы отошли на почтительное расстояние от входа в тоннель.

– И куда мы теперь? – спросил Максим.

– В Киев. Надо князя киевского Ярополка предупредить, что Владимир поход против него готовит. Думаю, неделю или больше Владимир будет обоз готовить, да дружине даст отдохнуть. Хорошо бы нам быстрее него в Киев попасть.

– Дедята, неужели ты не понимаешь, что все это бесполезно? Предупредил я князя Полоцкого, и что? Все как по писаному произошло.

Дедята резко остановился и, развернувшись, осветил факелом лицо Максима.

– Если у меня будет хоть какая-то надежда остановить этого изувера, я попробую. Паче того, есть долг перед родом. И совесть. Многие в нашей жизни предрешиено еще при рождении. Что будет, а чего нет. И смотрят боги на наши земные потуги, проверяя, достойны ли мы мира Прави, мира богов?

– То есть, по-твоему, это тест? Сдача экзамена? Прохождение полосы препятствий на норматив? Полигон? – Максим явно не мог подобрать понятное для окружающих сравнение, перебирая все, что пришло на ум.

– Я думаю, что идет на Мирград-Земле большая битва Чернобога с Белобогом. Каждый человек в этой вселенской битве – мелкая букашка, мало способная повернуть ход истории, определенный богами, вращающими маховик Вселенной. Но в силах любого определиться, какому Богу ты служишь, и, вырастив дух Божий в сердце своем, когда-то тоже вертануть маховик Вселенной. Помни, Глеб, боги – предки наши. Искра Божия есть в сердце твоём. И когда-то, пройдя много воплощений, ты будешь достоин вершить историю.

Глаза оратора горели ярче факела, и только Божена с явным сожалением наблюдала за этой сценой, справедливо полагая, что с этим докладчиком из тоннеля они не скоро выйдут. Беглецы прошли еще минут десять, и, когда они вышли на свет божий, уже светало. Соловей заливался неистовой трелью, и Максим в душе сказал ему: «Спасибо». Он вдруг почувствовал себя счастливым. Счастливым как никогда. После смертельной опасности, угрожавшей им несколько часов назад, он наслаждался лучами восходящего солнца, утренней росой, трелью соловья. Рядом была прекрасная Божена. Нервы щекотал дух приключений. И ему вовсе не хотелось в скучную, серую, мещанскую Москву. Он только сильно волновался за Диму, но, зная, что сделать в данном случае что-либо он бессилен, убрал проблему на периферию своего сознания, сопровождая девизом: «Будь что будет».

– Из Полоцка в Киев есть водный путь. Будем двигаться по нему. Иначе сапоги сотрем. Путь этот торговый, но все-таки трудный, потому как проходит через четыре реки, и только пятая, Днепр, ведет к Киеву. Спустимся вниз по течению Полоты, а там плот собьем.

Уйдя не меньше чем километра на три от Полоцка, дабы не нарваться на дозоры владимирской дружины, беглецы сколотили плот.

«Все продумал старый чертяга! Я-то думал, зачем ему веревка?» – удовлетворенно подумал Максим, глядя на произведенный их руками плот.

Дело уже было к полудню, когда спутники начали спускать плот на воду. Летнее солнце нещадно палило, и приходилось регулярно смачивать голову прохладной водой Полоты.

– Дед, а Расскажи-ка о своем прыжке на тысячи лет назад, – предложил Максим, смекнув, что до Киева им еще плыть да плыть и времени для досужих разговоров у них теперь полным-полно.

Жрец внимательно посмотрел на Максима, на Божену и после выдержанной паузы ответил:

– Тайны жреческие можно передавать только жрецу в роду своем. Но боюсь, что другого времени у нас может и не быть. А с плота мы уже никуда не денемся. До Киева нам ден пятнадцать добираться, если веслами не подсобить, а на веслах и за пять можем доплыть. Божена, доченька, ты нас лучше не слухай, а услышишь чего не треба для твоего слуха, забудь. Мы в скорости рыбы наловим, сваримши нам уши, ладно?

– Хорошо, Дедята, – она и так понимала, что многое, о чем говорят мужчины, предназначено не для ее слуха. Да и Глеб так разительно переменялся за последние дни. Вроде тот же с виду, но говорит как-то странно, шутит постоянно, да и слова употребляет какие-то ей незнакомые. Божена отошла на край плота, недовольно поджав губы.

– И что, мне до Киева теперь сидеть на этом краю?! – обиженно вскипела Божена.

Вообще-то, не принято было у русичей перечить мужчинам, да еще старшего возраста, кроме того, жрецу. Но Божена обладала необыкновенно упрямым и независимым характером. Дедята наградил Божену холодным, как ушат родниковой воды, взглядом и, смирившись с курьезностью возникшей ситуации, начал повествование:

– Когда-то, в ветхой древности веков, были люди в вере своей едины. Верили они в богов Прави, Рода небесного и потомков его: бога Сварога, Ладу, Перуна, Дажьбога. И были в вере своей едины и варяги, и готы, и балты, и славяне, потому что от одного рода-племени корни свои имеют – от богов-прародителей. И звали тот народ изначальный ариями. И сила у народа того была великая, и мудрость, богами данная. Но произошла в чертогах вселенских великая битва между Чернобогом и его арлегами¹⁷ и Белобогом и его дружиною. Заперли тогда Чернобога с его войском темным на рубежах Мирград-Земли. И нет в других чертогах Вселенной арлегов темных, а на Земле есть, потому как рубеж тут проходит светлых и темных сил. И как только нашли пристанище силы темные на Земле-матушке, стали людей они искушать, знания запретные давать: как власть над другими народами обрести, златом обогатиться, огнем и мечом корысть свою утешить. Заповеди богов стали осмеянием унижать и законы рода сомнению подвергать. Глаголили они людям слова лживые, лестью прикрытые. Наступила среди народов Мирграда вражда безмерная. Отреклись народы многие от веры истинной, веры предков. Девяносто кругов жизней назад случилась на Земле битва великая между народами: что на силу темную уповали, антланями звали, и ариями тех, что блюли веру истинную. И битва была такой силы нам не ведомой, что повернулась Земля-матушка. Все воды земные, моря и океаны поднялись безмерно в силе своей и затопили землю так, что не было на равнинах Мирград-Земли клочка суши не затопленного, а схоронились люди только в горах высоких. После того, как вода ушла с земли многострадальной, наступила стужа великая. Но выжил народ наш праведный. С тех пор нет мира на нашей Земле. В других чертогах изгнал Перун и арлеги его силы темные, но погубить успели они многие земли далекие. Есть земли в чертогах дальних, где нет уже ни одной твари Божьей, ни деревьев, ни букашек, ни птах щебетанья. Смерть там пришла повсеместно от рук арлегов темных. А нам, хранителям веры древней, нельзя допустить торжества сил Тьмы на Мирград-Земле.

– Когда случилась стужа великая по византийскому календарю? – полюбопытствовал Максим.

– Одиннадцать тысяч лет до прихода Христа.

¹⁷ Арлеги – существа, обитающие в более тонких и многомерных мирах, чем леги. Леги – светлые сущности Светлых миров. Ангелами называют падших легов, которые опустились в низшие миры.

– А после стужи были битвы великие?

– В одной из них я побывал. Было это за две с половиной тысячи лет до прихода Христа, – продолжил Жрец, оперируя понятным Максиму времяисчислением. – Ходили арии в поход на Дравидию¹⁸ и Египет. Служили народы иноземные тогда уже богам темным. Покорили арии народ чужеземный. Тогда я и летал на виманах.

– Это что, летучий корабль, что ли? – хохотнул Максим.

– Вернее, не корабль, а стрела, потому как на вимане мы перемещались быстрее звука, а на вайтмарах летели, словно свет солнечный летит.

– И где это достижение великих народов сейчас?

– Уничтожили все народы в битвах великих. Потому как одного удара с вимана хватало, чтобы уничтожить сто городов, таких как Полоцк. И хохотали арлеги темные над жестокостью и жадностью людской. А сейчас хорошо, что сапоги обули, а не лапти. Рассеялся народ великий по земле, не сохранив ни мудрости предков, ни силы великой. Одну веру только и храним. Только темные силы ее извести вконец хотят.

– А что же боги светлые на погибель нас бросают? – подкинул вопрос позаковыристей Максим.

– Дважды Перун на Землю спускался в наказание силам темным. Не оставят нас боги и сейчас.

Все время, пока Дедята вел свой рассказ, Божена была сама не своя, и Максим, несмотря на то, что информация, которую излагал Жрец, вызывала в нем неподдельный интерес, сопереживал девушке и постоянно бросал тревожные взгляды в ее сторону. В пылу побега он как-то даже отвлекся от страшных событий прошедшей ночи. Перед его взором всплыла страшная картина казни княжеской семьи. Он пересел поближе к Божене и ласково взял ее ладонь, уже откровенно пренебрегая запретом Дедяты. Божена посмотрела в глаза Максима и, растроганная его участием, разрыдалась, спрятав лицо у него на груди.

– Не плачь, дочка, – строго и как-то грустно сказал Дедята. – Мы рождаемся для смерти, а умираем для жизни. Твои родичи обрели покой на небесах. Не расстраивай их своими слезами, ибо зрят они в сей час на тебя и больно им от того, что ты плачешь.

Солнце, завершая свой круговорот, начало клониться к закату. Дедята залез в мешок, предусмотрительно захваченный с собой в побег. Старик оказался удивительно практичным и по-житейски мудрым человеком, чем вызывал восхищение у Максима. В мешке оказались вяленое мясо, хлеб, соль, крупа, котелок и, самое главное, рыболовная сеть.

– Ого! – с восхищением гаркнул Максим. – Мне в Москве уже года три не удавалось на рыбалку съездить. А здесь бесплатное удовольствие.

– Это что же, чтобы рыбу добыть, надобно дань давать? – недоверчиво спросил Дедята.

– Другие времена, другие нравы.

– Какие такие времена? – пристально сверля глазами Максима, спросила Божена, приметя характерные и циклично всплывающие упоминания о временах. Она заподозрила некую тайну, связывающую Жреца и Глеба, тщательно от нее скрываемую.

– Разные времена, – туманно ответил Максим, направляя плот к берегу Мужчины забросили сеть, в то время как Божена собирала вдоль берега хворост. Не прошло и двадцати минут, как на берегу лежали с десятков крупных рыб: судак, язь, щука, плотва, жерих.

– С голоду точно не помрем! – торжественно произнес Максим, глядя на добычу.

Уже смеркалось, когда путники развели костер и жадно ловили запахи, доносящиеся из котелка. Дедята нарубил ветвей ивы, приготовив их под ложе. Молодым указал, чтобы они спали по краям, сам же разместился в центре. «Этого на мякине не проведешь», – подумал с явным сожалением Максим.

¹⁸ Дравидия – так русичи называли Древнюю Индию.

Наевшись досыта жирной наваристой ухи, путники лежали, глядя в звездное июньское небо. Максим вспомнил расхожий анекдот: «Ватсон, Вам о чем-нибудь говорят эти прекрасные звезды?» – «Нет, Холмс». – «А мне они говорят о том, что у нас палатку украли».

«Актуальный анекдот, но его спутникам не расскажешь», – улыбнувшись, подумал Максим.

– А что, Глеб, люди лучше будут жить? – мечтательно глядя на звезды, спросил Дедята.

Глеб вспомнил ночь бога Купалы, хороводы и песни, людей, сплоченных в своем родстве, их добрые лица. Стройно и правильно была построена их жизнь. Никто не бедствовал, никто не жировал. Нравственная жизнь регламентировалась законами рода. И каждый чувствовал заботу и защиту рода и племени.

– Это вряд ли. Удобней, это да. Но люди станут друг от друга далеки душою. Каждый будет жить для себя.

– В такой жизни нет ни радости, ни смысла, – сухо ответил Дедята. – Любое счастье становится возможным, когда делается для других. Любое счастье становится несчастьем, когда делается для себя. Тысяча лет прошла, а люди только глупее стали. Только отдавая, человек обретает счастье. И все ему в ответ вторит эхом: и люди, и Вселенная. А если человек только берет, то становится никому не нужен. Кто требует, тому не дают. Кто не дает, тот сам этого лишается. Того, что ты у меня отбираешь, лишаешься сам. Видно, в будущем силы темные изрядно поглумились над человеческой природой.

– Дедята, а не слишком ли глубоко ты копаешь, видя во всем происки темных сил? Не допускаешь ли ты мысли, что все развивается своим эволюционным путем?

– У меня овцы, когда пасутся, тоже думают, что гуляют сами по себе, а не куда пастух захочет и сколько он им отмеряет пастись.

– То есть у человека нет ни свободы воли, ни свободы выбора и он есть лишь овца Божья, а не венец природы?

– И да, и нет. Представь, что на тебя движется страшнейший ураган. У тебя есть выбор спрятаться в подпол или стойко пережить приход урагана. В одном случае ты совершил правильный выбор и выжил, в другом – ураган тебе свернул шею. У тебя как бы выбор есть, но он очевиден, поэтому его как бы нет. В жизни люди, не разумея, часто совершают ошибки – грехи, подставляя свои головы под ураган, и, только набив шишки, приходят к правильному выбору – не в этой жизни, так в следующих. Так или иначе человеческая душа вынуждена развиваться по Золотому пути развития, по которому развивается все сущее в мире Божьем. Человек может жить согласно Божьему закону, закону Вселенной, Золотому пути развития, – или он сгинет. Вот и весь выбор у венца природы.

– А силы Тьмы, по твоему, какую роль тут играют? Роль урагана?

– Роль урагана играют боги, Вселенная и ее законы. А темные силы – это те, которые говорят: «Что ты бежишь в подпол? Ты человек! Венец природы! Ты можешь все! Тебе позволено все! Ты сам себе закон!». Это те, кто ложью, лестью и соблазном сбивает нас на пути к Богу.

– А почему Бог попустительствует им?

– Хороший вопрос. Сколько мальцу ни говори: не суй руки в костер, – все одно засунет и, только обжегшись, усвоит урок Силы Тьмы – необходимое зло, познав которое, человек сделает выбор в пользу добра. Но каждый в свое время, в зависимости от уровня развития. Бог допустил зло, чтобы человек через свободу выбора быстрее рос и быстрее шел к нему. Зло – это сито, которое отбирает зерна от плевел. И лишь отобранные заступают на следующую ступень лестницы, ведущей к нему. Скорее всего, эти люди уже не родятся на Мирград-Земле, а родятся либо на других землях, либо в других измерениях. А не прошедшим сито богиня Макошь сплетет новые судьбы на Мирград-Земле, в которых они будут исправлять свои ошибки.

– А где же здесь свобода воли, если твоя судьба уже сплетена?

– Если ты летом, когда солнце сильное и стебли растений наполняются жизнью, не делал ничего, чтобы их взрастить, откуда же зимой у тебя будут хлеба и репа? Голодно будет тебе, сыне. И в этом будет твоя доля. Но в силах твоих взять лук да стрелы и добыть зверя лесного, и прокормиться тем, а лишнее поменять на хлеба. И выучить урок, что летом тебе спать не надо, а надо вовремя зерна в землю бросить и урожай вовремя собрать. Случится то, что должно случиться, а что будет далее – все в наших силах, все в нашей воле. Ошибки будем исправлять и людям долги отдавать, которых по незнанию или по злобе обидели в той жизни.

– А если не обидели, а, наоборот, любили, лелеяли, растили, одаривали?

– Все вернется. Любовь вернется любовью. И люди, любил ты которых, обязательно будут в твоей жизни.

– Как узнать тех людей?

– Мимо них не пройдешь. Первое – это то, что они обязательно будут где-то рядом в твоей жизни. Второе: притяжение между вами будет такой огромной силы, что разлучить вас не смогут никакие причины. Любовь – это прежде всего узнавание.

Максим посмотрел на Божену. Ее прекрасное лицо освещалось языками пламени. Тяжелый день давал о себе знать, и Божена засыпала, сложив ладошки под головой.

«Что? Что я буду делать без нее, когда вернусь? Я не могу ее потерять. Необходимо что-то придумать», – мысли Максима скакали по кругу, но все медленнее и медленнее, пока сталкер не уснул.

ГЛАВА 11

СПЛАВ

– Тащи-ка ее ко мне! Девка-то окая сочная! – раздался чей-то зычный голос.

Максим вскочил на ноги, спросонья не понимая, что происходит, но тут же был сбит тяжелым ударом тупого предмета в лоб. Он падал, как ему показалось, медленно и долго. Так можно пошагово прокрутить стоп-кадр на видеоплеере. На самом деле Максим просто рухнул от удара рукоятью меча в лоб. Пятеро вооруженных воинов, взяв беглецов в полукольцо, передавали Божену из рук в руки, громогласно хохоча и сладострастно улюлюкая. Какую-либо опасность со стороны распластавшегося навзничь Максима и седовласого старика они явно не ждали. Один воин обшарил мешок, но, не найдя там ничего интересного, кроме скудных харчей, метнул его на борт причалившей к берегу ладьи.

– Никакого добра ценного. Сеть, топор, харчи. С такими харчами добрый воин до Киева не дотянет, – сказал рыжебородый громила-воин, смотрящийся абсолютно квадратным. – Ладно, хоть девка пригожая. До Киева путь не скучен будет.

При этих словах кровь ударила в лицо Максима, и он хотел было вскочить на ноги, но три здоровые туши навалились на него и повязали руки и ноги. Дедяту уже скрутили по рукам и ногам, и тот только злобно рычал.

С ладьи сошел еще один воин, кольчуга, плащ и доспехи которого выдавали его принадлежность к знатному роду.

– Рагоза! Сволота! – узнав в воине воеводу Полоцка, прорычал Дедята. – Полюбуйся, Глеб. Вот почему Полоцк был взят. Воевода Полоцка, Рагоза, шкура продажная!

– Чтобы тебе сохранить шкуру, Жрец, надобно молчать, – надменно ответил Рагоза, источая спокойствие гроссмейстера, поставившему мат сопернику. – Вот и беглецы, что по тоннелю от нас ночью убегали. Куда бежим, Дедята? Никак, в Киев упредить раньше нас Ярополка? Негоже это. Не надобно Ярополку раньше времени знать, что Полоцк взят.

– Что делать с ними будем, Рагоза? – спросил Рыжебородый.

– На весла. Быстрее до Киева дойдем. Будет времени больше место разведать да что в городе происходит узнать.

Пленников погрузили в судно, и ладья, отчалив, взяла курс вниз по течению Березины. Дедяту и Максима привязали к веслам в носу ладьи. За их спинами расположился Рыжебородый с плетью.

– Лучше гребите по-хорошему, иначе сначала спину исполосуют, а потом гребсти начнешь, – знаючи порекомендовал Дедята и сам навалился на весла.

Максим кипел и представлял из себя ядерный реактор, в котором, если нажать не ту кнопку, будет взрыв. И этой спусковой кнопкой могла стать Божена. Дедята, в отличие от Максима, сохранял спокойствие и внимательно следил за реакциями Максима.

– Не суетись, как заяц пред зайчихой. Все очень удобно. Быстрее до Киева доберемся, – оптимистично сказал Дедята, налегая на весла.

Максим глянул на Дедяту как на душевнобольного и выпалил в ответ:

– Если они тронут Божену, я... я...

– Ты будешь гребсти, пока не придет время, – процедил сквозь зубы Дедята, и Максим понял, что у старика есть план. Он скептически глянул на Жреца и отключился от бесперспективного, на его взгляд, разговора.

Божену бросили на корму ладьи. Она сидела связанная, в разорванном на груди сарафане. Пленница свесила пряди густых волос, прикрывая наготу белоснежных налитых грудей. Дружинники Рагозы бросали алчные взгляды в сторону Божены, но воинская дис-

циплина призывала их нести службу. Рагоза следил, чтобы судно двигалось максимально быстро, и, надо сказать, у него это получалось. Судно двигалось под парусом, да и шесть гребцов работали без устали. Рыжебородый постоянно стимулировал работу Деяты и Максима. И к вечеру через рваные рубахи гребцов проступала запекшаяся кровь.

– Пора на привал. Ну что, красавица, повечеришь с добрым молодцем? – хохотнул Рагоза, подмигивая Божене.

Желваки Максима злобно заиграли на скулах.

– Рагоза! Вели руки освободить. До крови стерлись, – сказал он.

Рагоза, пребывая в прекрасном расположении духа, вел себя раскованно. Вальяжно попивая из фляги медовуху, воевода предвкушал долгожданный привал. Судно преодолело вдвое большее расстояние, чем он планировал, и воевода решил поберечь пленников.

– Развяжи их! – приказал он Рыжебородому.

Громила, повинувшись, быстро освободил от пут руки Максима и Деяты. В тот же миг Максим, вскочив на ноги, сделал пасс двумя руками в сторону Рыжебородого, как будто толкая перед ним стену воздуха, прокричав при этом мантру. Рыжебородый, подлетев, как футбольный мяч, летящий в ворота, упал, придавив собой двух воинов. В тот же миг Деята, сделав пассы руками, в стойке шаулинского монаха поднял в воздух щиты и мечи, аккуратно сложенные дружинниками на корме ладьи. Тяжеленные доспехи закружились в воздухе, как карусель, с огромной скоростью, раскидывая с ладьи опешивших воинов. Рагоза, оставшись последним на ладье, обнажил меч и, уворачиваясь от летающих мечей, бросился на Деяту. Деята ответил пассом и короткой мантрой. Рагоза замер, напоминая фотокадр легкоатлета, устремлявшегося со старта. Деята сделал еще пасс, и мечи со щитами попадали на борт ладьи. Максим с восхищением посмотрел на Жреца, который не переставал удивлять своими возможностями. Взгляд Максима выражал и удивление, и благодарность, но наткнулся на холодный и колкий взгляд Жреца.

Божена бросилась в объятия спасителей, ожидая чего угодно, но только не такой счастливой развязки.

– Я что-то сделал не так? – толкая окостеневшего Рагозу за борт, как толкают гипсовую статую, спросил Максим.

– Я сказал же тебе: без моего сигнала ничего не делай. Тебе слово старшего не закон? – распалился старик – Это можно было сделать сразу. Но почему я не сделал? Во-первых, нам оставалось два перехода до Киева, а теперь мы будем плыть четыре, а то и пять. Во-вторых, нужно было узнать о планах Владимира по взятию Киева. И, слава Сварогу, я успел это услышать. В-третьих, ты начал бой, не подав мне сигнала. Значит, не рассчитывал на меня? В-четвертых, устроив сечу на ладье, ты мог покалечить Божену и потопить судно.

Максим пристыженно опустил голову.

– Ладно. До Киева дорога дальняя. Кое-чему мне тебя надо успеть выучить.

Аники-воины вплавь добирались до берега. Деята внимательно посмотрел вслед ретирующемуся врагу и, обращаясь к спутникам, сказал:

– Среди них трое раненых. Теперь можно быть спокойными. Им сейчас не до нас. Но следует еще плыть, чтобы избежать прямого столкновения с врагом.

Проплыв еще около двух часов, беглецы остановились на привал. Мужчины были измождены. На берег решили не выходить. Избегая неприятностей, путники бросили якорь посередине реки. Максим лег на мягкую рогожу животом вниз. «Хороший трофей. Очень кстати», – подумал Максим, переживая боль, растекающуюся по всей спине. Деята рухнул тут же, и в той же позе. Божена залезла в мешок, счастливо сохранившийся в перепалке, и стала с руки кормить обессилевших от усталости и боли мужчин.

Ласковые волны покачивали судно. Светила полная луна, пуская лунную дорожку по косе Березины. Спина Максима ныла зубной болью, но в сердце разливался нектар: Максим

почувствовал, как ласковые руки Божены запустили пальцы в его волосы, нежно лаская их. «О миг блаженства, век живи!» – засыпая, продекламировал Максим. Божена ласково теребила волосы возлюбленного, думая о том, как много им приходится преодолевать на пути друг к другу. Но она надеялась и верила в то, что очень скоро они смогут быть неразлучными. Осенью играют свадьбы, и коль все так круто изменилось в жизни рода и племени, то у нее с Глебом есть возможность преодолеть родовые законы. А если такой возможности не будет, то она готова сколько угодно долго терпеть лишения и ждать. Только бы дожждаться.

– Божена, поди-ка сюды. Ложись, дочка, с моей стороны, – отдал последнюю директиву Дедеята и уснул.

Дедеята разбудил молодежь чуть свет.

– Плыть надо. Ворот где-то близко. Не буди лихо, пока оно тихо. Стрибог нам в помощь северный ветер погнал. Не надо зевать. Если ветерок продержится три дня, то успеем до Киева добраться, – зябко обняв себя за плечи, раскачивал сонных спутников бывалый Дедеята. Погода резко переменилась. Стремительный ветер дул с севера, нагоняя тяжелые тучи. Максим набросил рогожку на плечи Божены и встал у паруса. Дедеята снял ладью с якоря, и судно, увлекаемое попутным ветром, устремилось в путь.

Все дни в пути до Киева Жрец, не трата времени зря, обучал Максима премудростям волховского дела. Максим, обучаясь великим тайнам, скрытым в веках, почувствовал себя глиной в руках скульптора. Всего за три дня наставник вывел ученика на совершенно новый, до сих пор не ведомый Максиму, уровень волховского мастерства.

– Запомни, Глеб, эти истины, а лучше запиши. Никогда не используй знание великое, знание предков, корысти своей ради. Иначе покинет оно тебя. Знание сие для благих дел и для помощи тем, кто нуждается. Тем паче не используй знание во зло. Придется ответ перед богиней Карной держать, а Макошь сплетет тебе судьбу незавидную. Нет ни одного злого дела и нет ни одного доброго, которое не отразилось бы на следующих поколениях, независимо от того, когда и где оно совершено – во дворце или в хижине, на севере или на юге, – и были тому делу очевидцы или нет. Точно так же во зле и в добре не бывает ничтожных, малозначащих дел, ибо из совокупности малых причин возникают великие следствия.

Второе. Получать человек может, только отдавая. Пусть солнце, свет и тепло дающее, будет символом той любви и силы, которую ты должен отдать людям, роду и родине.

Третье. Есть в горах Кавказских вершины, человеку труднодоступные, в коих растет цветок красоты божественной. Но сорвать его трудно, почти невозможно. Но тот, кто сорвал, сумел на гору подняться труднодоступную. Пусть цели твои будут высоки и велики. И символом будет цветок эдельвейс. Большие цели рожают большого человека. Не трать время на дела пустячные.

Четвертое. В каждом русиче, потомке ариев, течет кровь богов. А значит сие, что невозможного для тебя мало. Нужно только желать, верить и, волю прилагая, делать. Пусть круг Сварожий будет символом силы Божественной, что в крови у тебя.

Дедеята взял из колчана стрелу и начертал на половой доске треугольник, в вершинах которого поместил солнце, цветок и свастику.

– То, что ты знаешь и что до сих пор видел, – это махание деревянным мечом парубком, перед тем как взять настоящее оружие и стать великим воином. Но прежде ты должен понять, что силы и возможности тебе даны не случайно. Что нельзя их тратить на баловство и похвальбу, а нужно выполнить тебе во времени свое дело великое, тебе одному сподручное. И какая бы сеча за правду ни предстояла тебе, нельзя тебе страх пускать в сердце свое. Как бы ни обольщали тебя силы темные, нельзя тебе польститься на слова их лживые. Тебе предстоит самому понять, в чем замысел их коварный. Каким образом они собираются сбить человека с пути праведного? В чем пагуба состоит для рода человеческого? Время твое таково, что мало людей праведных в нем осталось. Все больше силами Тьмы обольщенных,

живущих корысти ради, о роде забывших, златом обольщенных, в разврате и чревоугодии погрязших, больше чем о животной страсти своей не помышляющих Подвиг твой состоять будет в том, чтобы ослабить силы темные и просветлить умы человеческие, дурманом Тьмы ослепленные.

– Вряд ли мне это под силу. Да нет же, кто я такой? – испуганно протараторил Максим.

– Эдельвейс и круг Сварожий, – символически ответил Жрец.

– Делаешь из меня Мальчиша-Кибальчиша какого-то. Хорошо. Как я узнаю противника и замыслы его? Кто мне союзник? От кого ждать помощи? – и, усмехнувшись, добавил: – Явки, пароли.

– Во всем тебе придется разобраться самому. Знания я тебе передал. Мне осталось передать тебе два священных знания, которые помогут тебе справиться с задачей и провести обряд посвящения. Но это уже завтра, – устало закончил Жрец и прилег на рогожу.

Смеркалось. Холодный влажный ветер переполнял паруса, и ладья, брызгая рассеченной волной, оставляла за кормой версты, неумолимо приближаясь к цели. Максим стал на носу судна, смотря в даль Березины, оставленной путниками далеко за кормой. Ладья уже бороздила полноводные воды могучего Днепра.

«Кто я теперь? Я могу справиться с отрядом вооруженных воинов, вызвать дождь, землетрясение или ветер, как это сделал недавно Дедята, чтобы быстрее добраться до Киева. Могу читать мысли, могу заставить любить или разлюбить, верить или не верить, подчинить своей воле человека или целые толпы. Могу предвидеть будущее, правда, недалеко. Могу вызывать желаемые события, реакции людей. Кто я? Почти Бог?» – думал Максим, пока его мысль не прервалась фразой, пущенной лениво дремавшим Дедятой:

– Почти Бог по возможностям, но курица по невежеству. Страшное сочетание. Я долгое время не открывался тебе, слушая твой разум и сердце. Не возомни о себе невесть чего. Ты, по сути, еще глуп и находишься только в начале пути. Когда жизнь преподнесет тебе первые уроки, ты вспомнишь мои слова.

– Значит, ты всегда читал мои мысли? Как же я сразу не догадался?

– Чего их читать-то? У тебя их две. Первая о Божене, – Божена в этот момент густо залилась краской. – Вторая: «Какой я могучий полубог». А мог бы думать о деле, и тогда, может быть, какая-то искра Божья в тебе и зажглась бы. Женщина рождает великие чувства в сердце мужа, и он способен, неся в своем сердце любовь женщины, добиться любой цели. Даже сверх своих возможностей. Но обладание женщиной не может быть целью. Это только средство – подбросить дров в пламя твоей души.

«Прав Дедята. Как меня распирает от гордости, самодовольный осел! По сути, еще ничего не сделал, но щеки раздуваю так, что Дедята вынужден меня успокаивать», – закружились дальше мысли Максима.

– Да не убивайся, сыне. Когда любимая женщина рядом, мужи и не в таких павлинов превращаются. Завтра ты будешь обладать гораздо большими возможностями. Не возомни себя Богом. Тебе доступны силы, но недоступно разумение. Думай! Учись! – бросил старец последний лозунг и повернулся набок, дав понять, что разговор окончен.

«Что же еще-то может быть? – недоумевал Максим. – Двигать горы? Осушать моря? Остановить вращение Земли? Продырявить Луну выстрелом из пальца? Да, прав Дедята. Одна мысль глупее другой. Спесивый фанфарон», – расстроенный своим нелицеприятным отражением в зеркале, подумал Максим и понуро сел на рогожу.

– Глебушка, не люблю, когда ты понурый. Ты всегда такой веселый, жизнелюбивый, озорной, – приободрила Максима Божена, прижав его к себе, и после долгого молчания, повисшего над вечерним Днепром, произнесла: – Женись на мне, Глеб. Сколько еще как дети малые ходить будем?

Максим погрузился еще больше: «Рано или поздно я вернусь в свое время, а на ее вопрос придется ответить Глебу. Божена, скорее всего, не заметит подмены. И в ее жизни сложится все хорошо. А вот что буду делать я без нее? Смогу ли справиться с ее отсутствием в своей жизни? А что, у меня, можно подумать, есть выбор? Дедята говорит, что я могу уйти в любой момент. Тем более что дома, в Москве, беременная Ариша. Все не так в этой жизни... Все не так».

Максим сидел грустным, оставив ее вопрос без ответа. Глаза Божены налились тоской, и она обиженно отошла на другой край лодки. Максим видел, что она плачет. Но как он мог ее утешить?

– Любимая, давай об этом поговорим, когда закончатся наши злоключения. Я просто боюсь сглазить. Тем паче раньше осени свадьбу мы сыграть не сможем, – слукавил Максим и ласково прижал Божену к себе. Она просветлела и податливо отдалась в его объятия.

Наступило утро. Максим задумчиво смотрел в туманную даль реки. Тишина на реке стояла такая, что даже самые большие жизненные проблемы человека растворялись в этой сказочной красоте без остатка, как сахар в чае. Один берег реки в этом месте был особенно крут, и скалы, казалось, как чуб, свисали над рекой, но в одном месте они расступались, образуя кряж.

– Давайте сделаем небольшой привал, уху сварим. Место уж больно красивое, – предложил Максим.

Дедята неохотно сморщил нос, но Божена радостно воскликнула, и старик, оставшись в меньшинстве, решил не перечить молодым.

– Только не долго, – согласился Дедята.

Друзья не без труда забрались на место стоянки. С кряжа открывался удивительной красоты вид на Днепр. Река в этом месте не имела изгибов, и взгляд охватывал реку почти до горизонта. Днепр играл искрами утреннего солнечного света. Природа просыпалась, и птицы дружным гомоном наполняли утреннюю тишину.

– Благодать-то какая! – крикнул на простор Днепра Максим, и скалы ему ответили гулким эхом.

– Давайте устраиваться, – распорядился Дедята.

– Да здесь табун лошадей можно гонять, – радостно воскликнул Максим.

– Табун не табун, а дружину человек в тридцать запросто, – поддержал его старец.

Божена принесла хвороста, и вскоре воздух органично наполнился запахом ухи. Максим смотрел на вековые скалы и думал, что они видели множество путников.

– Дедята, а камни могут думать?

– А как же. Все, воспринимаемое нами как неживое, имеет свой внутренний мир. Но он нам недоступен, хотя горы имеют очень хорошую память, и при желании можно этим воспользоваться.

Дедята, смачно дуя на ложку, пробовал уху, и Божена, видя, что старик занят своим делом, прильнула к Максиму и прошептала:

– Глеб, пообещай мне, пожалуйста, что после свадьбы ты увезешь меня сюда и мы проведем здесь ночь: в этом месте душа поет.

– Обещаю, – немного замешкавшись, вынужденно соврал Максим.

Перекусив, отдохнув и насладившись красотами Днепра, друзья тронулись в путь и до вечера не сделали ни одного привала.

– Глеб, скоро Киев, – потянувшись, сказал Дедята, косясь на спящую Божену. – Думаю, до захода солнца будем на месте. Сегодня времени терять нельзя. Нужно многое успеть тебе поведать. И это важно... Есть в стольном граде Киеве, в месте тайном, мне одному ведомом, алмаз огромный, с кулак детский. Не простой это алмаз. Дозволяет он человеку, сердцем чистому, видеть все, что тот пожелает. Называется этот алмаз «Око Сварога». Достался он

от пращуров моих, а им – от их пращуров, а тем – от богов Прави. Раньше знал о нем князь Святослав и я, потому как служил у него как верный пес. Во все походы с ним хаживал: на Византию, на Болгарию, на Хазарский каганат. Погиб князь внезапно в походе ратном на Днепре, вот уж восемь лет как минуло. И стал я тайной камня один владеть. Камень этот не простой. Власть он дает непомерную. Стар я уже. Не могу в мир Нави уйти, не передав тайны. Этот камень, если отыщешь его в будущем, поможет раскрыть тебе замыслы сил темных. Только есть в камне том одна особенность: когда он взор твой открывает на человека, тот чувствует, что смотрят на него. А если это адепт темный или, паче того, арлег, то поймет он, что через «Око» зришь ты на него. И начнут искать тебя и «Око». Потушить «Око» можно, положив его в ткань темную в шкатулку, не допуская попадания солнечного света. Поэтому из баловства им не пользуйся и знай, что каждый раз, когда открываешь ты «Око», арлеги темные все ближе к тебе становятся. И когда-то круг поиска может замкнуться. «Око» не откроется арлегам темным, но они об этом не знают. А ты пострадаешь обязательно.

Максим слушал Дедяту, и мурашки бегали по его телу, то ли от утренней прохлады, то ли от волнения, охватившего всю его сущность.

ГЛАВА 12

КИЕВ

– Ярополк, князь Киевский, знает меня хорошо, так как при отце его я правой рукой был. Так что волноваться нам не о чем, – давал последние напутствия Дедята своим спутникам, правя ладью к пристани киевской. На старой, но широкой пристани путников встретила застава из шести сурового вида воинов.

– Кто такие будете? – строго спросил старший, дородный воин с окладистой бородой. Хорошо, что за эти дни Максим тоже ошетинился, иначе он смотрелся бы здесь белой вороной.

– К Ярополку, князю киевскому, путь держим. Хотим ему слово молвить. Дружинники надрывно захохотали:

– Прямо-таки к князю? А со мной для начала поглаголить не желаете?

– Передай Ярополку, что Дедята к нему явился. Слово тайное у меня для него есть.

Дружина вмиг перестала гоготать, и старший распорядился отправить гонца к князю.

– Пушайте, – крикнул гонец, вернувшись от князя через довольно продолжительное время. – Да велел проводить путников до палат княжеских.

Друзья в сопровождении почетного эскорта, состоящего из четырех воинов, минули мост через ров, городские ворота и вошли в древний Киев.

– Да. Полоцк отличается от Киева, как Тула от Москвы, – пробурчал под нос Максим, бодро шагая по мощеной улице.

В центре городской площади стояли кумиры русских богов. Княжеский терем представлял из себя шедевр деревянного зодчества неопишуемой красоты. Перед тем как войти в терем, Дедята тихо сказал Максиму:

– Если увидишь, что князь недоволен чем-то, замолкай: говорить буду я.

Максим кивнул, и путники вошли в княжьи палаты.

– Дедята! Живой! Здоровый! – Ярополк распахнул широченные объятия, сожрав ими усыхающие мощи старика. – Какими судьбами?

– Не добрую весть мы принесли тебе, княже. Владимир взял Полоцк и собирается на тебя идти, – выбравшись из объятий князя, поведал Дедята. – Я с внуком и племянницей Рогволода смогли сбежать тайным ходом из Полоцка. Полоцк почти весь сожжен. Рогволод с женою и сыновьями казнен. Молодая княжна Рогнеда силой взята Владимиром.

Улыбка в один момент слетела с лица Ярополка.

– Как же взял он Полоцк? Откуда дружину набрал для сечи? Полоцк укреплен хорошо. Его с наскоку не возьмешь.

– Обязан Владимир варягам, что нанял он на службу в землях северных, и воеводе полоцкому Рагозе, что открыл Владимиру ворота города.

– Вероломный пес! И что ж, на Киев идти хочет?! Хочет Русью один править?! Откуда известно?

– В пути настиг нас Рагоза со своею дружиною, напав внезапно, пленил нас. И будучи плененным, я слышал, как речь вели они о том, что Владимир поход готовит на Киев, а они за тем направлены, чтобы разведать подступы к городу да что в городе дееется. И еще слышал я, как речь они вели про воеводу твоего Блуда.

– Думаешь, в сговор с ним хотят вступить?

– Того не знаю, княже. Не слыхивал. Но внук мой, Глеб, прозорливец от бога. Видит он, что будет, через волхование.

– Глаголь, Глеб! – приказал князь.

– Войдут они в сговор с воеводой твоим. И будет воевода глаголить тебе речи лживые, что бежать тебе надо из Киева, потому как народ киевский не поддержит тебя из-за того, что тайно крещенный ты, и в мыслях своих разумеешь народ киевский крестить.

Посмотрел Ярополк в глаза Максима обреченно. Максим понял, что поверил ему князь и дошли слова его до сердца Ярополка.

– Думаю, Владимир поторопится с походом. Не больше недели ему обоз собрать, а дальше дело к осени пойдет. Тяжело ему будет Киев в осаде держать: ночи холодные будут. Так что жди гостей скоро, – продолжил доклад Дедеята.

– И что посоветуете, гости дорогие? – раздосадованно спросил Ярополк.

– Воеводе не доверять. От командования дружиной отстранить. Приготовить к бою войско, проверить арсенал оружия, усилить дружину мирянами, – перечислял напрашивающиеся меры Дедеята, но по отрешенному взгляду Ярополка было видно, что этот ответ лежит на поверхности и он просчитывает ситуацию глубже.

– Дружина предана воеводе. Как бы не было хуже. И потом, стоит ли оскорблять его недоверием, принимая сон прозорливца как явь.

– Либо поверь прозорливцу, либо смерть свою примешь скорую. Не для того мы к тебе из Полоцка бежали, чтобы скоморошничать! – оскорбился в ответ на слова Ярополка Дедеята.

– Добро. Доверюсь тебе, Дедеята. Многое ты для батюшки моего сделал. Зыба!

В хоромах княжых появился статный воин, в годах, со шрамом, проходящим от виска до подбородка правой стороны лица. Суров с виду, крепок телом. От него веяло ощущением, что прошел он огни и воды.

«Личная охрана князя», – подумал Максим.

– Зыба, возмешь под стражу Блуда. Старшим над дружиною встанет Гамаюн, – распорядился князь.

Зыба непонимающе вылупил глаза на князя, но, быстро придя в себя, уточнил приказ:

– Чем Блуду объяснить княжеский приказ?

– Ничем. Не доверяет князь, и все тут! И распорядись проводить гостей в опочивальню и накормить досыта. Одному мне побыть надобно.

– Спасибо, княже, – откланялся Дедеята, да и Максим от него не отставал, уже имея опыт общения с князьями. – Прости дерзость мою, разреши в баньке попариться с дороги. Русский человек без бани все одно, что соловей без песни.

Ярополк одобрительно кивнул Зыбе, и путники, оставив покои князя, удалились.

Баня оказалась на редкость хороша, просторна, с многоярусными пологами, пахнувшая свежей липой и кедром. Дедеята хлестался, будто его изъедала стая комаров, а потом с гуканьем и фырканьем плюхался в холодную купель. Первый раз Максим видел в старике озорного мальчишку, которому неведомы никакие заботы.

– Иди сюды, Глебка, нахлещу так, что уснешь как мертвый, и никакая Божена тебя не поднимет, – сказал Дедеята и захохотал как конь, хлеща Максима еще неистовей.

Божена осталась в опочивальне, и мужчины с пониманием отнеслись к ее желанию попариться в бане после них.

После бани гостей потчевали черной икрой, осетрами, бараниной, мягкими ароматными хлебами и медовухой, пришедшейся Максиму весьма по вкусу. Надо сказать, что к осетрам и икре путники не притронулись, потому что рыба в пути до Киева им осточертела, а вот медовуху после бани выпили всю.

– Что предпримет Ярополк, как ты думаешь? – засыпая, спросил Максим у Дедеяты.

– Боюсь, что бы он ни предпринял, будет ничем не лучше.

– Цунг-цванг.

– Что еще за хрен?

– Современная шахматная терминология, означающая безвыходность ситуации, которая характерна тем, что каждый следующий ход только ухудшает ситуацию, – задумчиво глядя в потолок, сказал Максим. – Интересно, получится у нас сломать маховик истории?

– Тьфу ты! – раздосадованно сплюнул Дедята. – Что за язык такой поганый? Два слова поймешь, остальные додумывать надо, – и повернулся спиной к Максиму, дав понять, что разговор окончен.

Древнее солнце заглянуло в опочивальню, наполняя светом просторные хоромы. Максим потянулся, просыпаясь, и увидел, что Дедята в покоях нет. Божена сладко посапывала, глубоко погруженная в сон. Смутное беспокойство охватило Максима. Не то чтобы он почувствовал неладное, просто он всегда находился под опекой Жреца, и сейчас, когда вдруг Дедята не стало с ними, Максим подсознательно почувствовал беспокойство. Прошло не меньше часа, прежде чем появился Дедята. К тому времени Максим совершенно измучился от волнения и своим наэлектризованным состоянием разбудил Божену.

– Отроки мои, – прямо с порога начал Дедята, – может, и получится у князя отстоять Киев. Я от Ярополка. Он не тратил время зря. Блуд в подвале под стражей. Князь в сторону Полоцка отправил заставы дальние, чтобы ворог не подошел к Киеву внезапно незамеченным. Дружина готовит к бою оружие, на стены городские смолу завозят.

Дедята выглядел и впрямь живенько. «Оптимист», – подумал Максим.

– Терять время не будем. Мы не знаем, когда начнется осада и чем закончится. Мое дело показать тебе алмаз. Пойдем. Божене лучше остаться здесь.

Божена недовольно зыркнула в сторону старика, но согласно промолчала.

Шли быстро, молча пересекая городскую площадь. Город жил своими мирскими делами, и никому до новых людей в городе не было дела. Максим пытался было завязать разговор: ему было интересно все происходящее в жизни древнего Киева, как историку, но Дедята жестом показал, что надо воздержаться от беседы. Они проследовали в капище, где их встретил жрец, лет сорока, весьма сурового вида, но, увидев Дедяту, он растаял. Максиму даже показалось, что встречавший их жрец был растроган неожиданной встречей.

– Изяслав!

– Дедята!

Жрецы крепко, по-мужски обнялись.

– Проходите, гости дорогие. Не стойте на пороге.

– Это Глеб. Мой внук Можешь ему доверять, Изяслав, как мне. Мы не пироги есть пришли, – пройдя в капище и сев за стол, продолжил повествовать Дедята. – Думаю, в Киеве в скором времени будет большая сеча. Возможно, Ярополк не удержит власть.

Изяслав внимательно внимал словам старца, и не было в его взгляде скепсиса или недоверия. Дедята излагал информацию кратко, но емко, как на встрече резидентов разведки, а Изяслав не задавал лишних вопросов. И после некоторой паузы, наполняющей некоторой тревожностью вышеизложенное, Дедята продолжил:

– Глебу нужно показать алмаз, – при этих словах Изяслав вздрогнул. – Он не просто мой внук, – продолжил Дедята, – он мой очень далекий потомок Он открыл мне знание, что уже в очень недалеком будущем нашу веру и наш народ ждут великие испытания.

Глаза Изяслава кристаллизировались. Он сидел не дыша, внимая каждому слову старца.

– Насколько велики испытания? – глядя в глаза Дедяты, спросил он.

– В Киеве сядет Владимир. Веру предков низвергнет, кумиров в Днепр скинет. Русь крестить насильно станет. Не пожалеет ни старая ни молодая. Из четырех киевлян один жив останется. И так не только в Киеве, но и в Новгороде, Ростове, Полоцке, да и по всей Руси.

Изяслав побагровел в одну секунду, желваки зло заиграли на его скулах.

– Если Глеб сможет воспользоваться алмазом в будущем, у нас есть возможность возродить Родную Веру, – резюмировал Дедята.

Изяслав поднялся.

– Идите за мной, – скорбно произнес он, находясь под впечатлением от сказанного Дедадой.

Изяслав взял факел и, увлекая спутников за собой, стал спускаться по узким коридорам в недра капища. Миновав много пролетов, как показалось Максиму, не менее трех современных этажей, мужчины спустились в промозглый подвал. Изяслав здоровенным ключом открыл тяжелую дверь, та со скрипом отворилась, и спутники вошли в комнату, абсолютно ничем не приметную, заваленную храмовым барахлом. Изяслав, отсчитав несколько камней вдоль пола и определенное количество камней по вертикали, с усилием нажал на край одного из камней. В то время как Дедята отсчитал свой камень и синхронно с Изяславом надавил на него. Тот податливо повернулся, открыв перед собой широкий паз, из которого Изяслав трясущимися пальцами извлек шкатулку и передал Дедаде с видом человека, передающего святыню. Дедята сдул пыль со шкатулки и положил на стол, вовсе не торопясь ее открывать.

– Надеюсь, Изяслав, у тебя есть все необходимое? – спросил Дедята, изрядно волнуясь при этом.

– Да, – ответил Изяслав и вытащил из хлама зеркало и свечи.

– Все, что я буду делать, то не для моего любопытства, а для твоего поучения. В твоём времени меня не будет. Зри во все очи и запоминай, – наущал Дедята.

Жрец протер запыленное зеркало, расположив его с одного края стола, зажженные свечи – с другой, в середине расположив огромной величины алмаз, шаровидный с одной стороны и усеченный конусом на другую. В полной тишине Жрец истово произносил заклинания, как вдруг в зеркале мелькнули смутные тени, как в плохо настроенном телевизоре. Но спустя некоторое время образы стали четче и Максим узнал образ молодого Владимира, стоящего на ладье рядом с Добрыней. Излучина реки показалась знакомой Максиму, и он узнал эти места. Дальше будут пороги, а от них один день пути до Киева. Максим сдавленно выдохнул, не то от удивления, не то от испуга. Образы в зеркале тут же растворились. Дедята грозно зыркнул на Максима, но не став его журить за срыв трансляции, спросил:

– Если я видел то же, что и вы, значит, Владимиру день пути до Киева... Что бы ни случилось, Глеб, ты должен найти этот алмаз в своём времени. Когда ты «прыгнешь», то окажешься ровно в той одежде, что и был. Ни один предмет с собой ты не заберешь. Поэтому алмаз нужно схоронить здесь, в нашем времени.

– Мы можем оставить его здесь же, в этом тайнике. Капища, конечно, будут сносить, но православные храмы будут ставить на местах прежних капищ. Полагаю, что фундамент трогать не будут при любых обстоятельствах, – предложил Максим.

– Нет. Это ненадежно. Нужно будет схоронить алмаз в более удобном месте, – задумчиво ответил Дедята.

Вдруг наверху раздался шум. Жрец быстро вернул алмаз в тайник. Заперев дверь, мужчины поднялись наверх. По капищу с бешеными глазами бегал послушник.

– Изяслав! Хорошо, что ты объявился!

– Что случилось?

– Ярополк дружину поднял. Дальние дозоры сигнал огнем подали, что враги на подходе к Киеву.

Мужчины многозначительно переглянулись.

– Надо спешить. Мы еще вернемся, Изяслав, – бросил на ходу Дедята.

Старик, как взъерошенный воробей, нервно шагал по городской площади, вмиг наполнявшейся ратниками и другим честным народом, спешащим кто куда, как перед концом света.

«Если конец света – вещь гипотетическая, то для этих людей вполне реальная, хоть и в меньших масштабах», – подумал Максим, глядя, как людской улей набирает обороты движения.

– Времени нет, времени нет, – бурчал себе под нос Дедята. – Владимир, сукин сын, скор на руку.

Добежав до покоев, где осталась ждать их в одиночестве Божена, Жрец усадил Максима за стол и, глядя в глаза близко-близко, не обращая никакого внимания на Божену, сказал Максиму:

– Глеб, чует мое сердце недоброе. Нам надо перепрятать алмаз. Изяславу я доверяю, как себе. Человек он надежный. Когда я у Святослава службу нес в походах дальних, он, будучи еще парубком, прибил к дружине. Хазары изничтожили почти весь его род во время очередного вероломного набега. Сестер в полон увели. Изяслав в лесу отсиделся, грибами да ягодами питался. Потом вернулся на пепелище родное. Немного их из племени осталось в живых. Когда дружина наша проходила в поход на Хазарию, он за нами увязался. Говорил, что отомстить хочет за родичей своих. Получилось, что я ему вместо отца вроде как. Так вот, схрон для алмаза в капище – место ненадежное, но ворог у ворот, – тут Жрец задумался, вытерев рукавом вспотевший лоб. – Запомни: алмаз пикой вниз – образ придет из мира Явного, пикой вверх – из мира Навьего, из мира мертвых, хотя для них, скорее, мы мертвые. И запомни заклинание.

Дедята на ухо нашептал Максиму заклинание.

– И еще, – продолжал шептать Дедята, – если потеряешь алмаз, ты можешь прикликать его. Смотри как, – Дедята шептал и шептал. Божена наблюдала за мужчинами, заговорщицки шептавшихся в углу опочивальни.

– Ох, и надоели же вы мне, заговорщики! – обиженно выпалила Божена, видя, что Дедята все время скрывает от нее что-то.

– Не обижайся, дочка. Меньше знаешь, и нам всем спокойнее. А тебе эти знания без надобности. Как бы хуже тебе только от них не было.

Божена поправила темно-русую прядь, яростно стрельнула глазами на мужчин и, как будто потеряв к ним интерес, развернулась к окну.

– Норовитая. С такой не заскучаешь, – подмигнул Максиму старик.

Уже к вечеру Владимир встал у ворот Киева. Блокадой Киев взять было сложно. Сытый и богатый Киев мог выдержать и годовую осаду города. Штурмом тоже тяжело. Укреплен был Киев паче других городов русских. Ярополк стоял на крепостной стене, вглядываясь в даль и наблюдая за передвижениями неприятеля, пытаясь понять, что предпримет Владимир.

Ладьи Владимира подходили к Киеву плотной эскадрой. В то же время по суше к пристани приближалась многотысячная рать молодого князя. Не более чем через час отряды Владимира захватили пристань, смяв ожесточенно сопротивляющуюся заставу у пристани, лишив таким образом Киев речного сообщения. Ярополк, глядя на происходящую бойню с городской стены, еле заметно побледнел. Он не ожидал, что силы, собранные Владимиром, будут столь велики.

«Ну, это еще мы посмотрим, кто кого!» – придя в себя, яростно выпалил Ярополк и энергично зашагал по городской стене, лично руководя подготовкой к обороне города.

ГЛАВА 13

ОСАДА

– Мы сделали все возможное, Глеб, – глядя на готовившихся к обороне защитников города, сказал Дедята. – Наше дело теперь надежно перепрятать алмаз. Только я ума не приложу, куда? Из города нам теперь хода нет.

Максим напряженно искал решение непростой задачи. За тысячелетие Киев неузнаваемо перестроится. В городе пройдут бои Второй мировой войны. Какие здания уцелеют? Да никакие! Если его закопать? Но где? Везде снуют люди, и незаметно сделать это невозможно. Тем более неизвестно, какие современные постройки будут возведены на этом месте. Есть вероятность, что на месте этого капища позднее будет возведен православный храм, как это делалось повсеместно с принятием новой веры на Руси. Но не тронут ли стену при реконструкции храма? Может быть, хотя и маловероятно.

– Я вижу только один выход, Дедята: закопать алмаз в подвале капища, схоронив его на еще большей глубине, – урезюмировал ход своих размышлений Максим.

– Тогда мы оставим следы, – поразмыслив, ответил Жрец.

– Если отбросать землю на ткань, а потом, не оставив следа, сложить ее обратно, то место схрона останется незамеченным.

– Прикроем схрон камнем, как было, – вторя Максиму, продолжил ход рассуждений Дедята, – только бы успеть. Нужно торопиться.

Максим взял руку совсем растерявшейся от урагана происходивших событий Божены, и друзья отправились к капищу.

– Нужно постараться остаться незамеченными, – бросил Дедята, когда троица пересекла переполненную площадь и уже подходила к капищу. Хотя в суматохе, овладевшей городом, никому не было до них дела.

– Знаешь, Дедята, если бы мы сейчас шли голые, то никто бы не обратил на нас ни малейшего внимания, – иронично заметил Максим.

– Смотри! – Божена осадила Максима за рукав, и оторопело показала взглядом на группу мужчин, стоявших поодаль.

– Рыжебородый! – воскликнул Максим, но тут же осекся, узнав помощника Рагозы, еще недавнего их пленителя. – Откуда он здесь? Черт бы его побрал!

Друзья сразу же отвели взгляд и направились к капищу, до которого оставалось не более сотни метров. Заходя в храм, Максим обернулся, убедившись, что они остались незамеченными.

– Изяслав, нужно перепрятать алмаз, – скомандовал на ходу Дедята, – и нужно потопрапливаться. Похоже, город не устоит. Помоги мне достать алмаз и иди за лопатами.

Торопясь и крихтя, Изяслав и Дедята извлекли алмаз из хрона.

– Держи алмаз в руках. Пусть он узнает тебя, – хитро подмигнул Жрец и передал алмаз в руки Максиму.

– Сейчас принесу лопаты, – сказал Изяслав и растворился в подвальном сумраке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.